

БОРИС АЛМАЗОВ

История Великой страны
РОССИЯ

МИМО
РОССИИ,

ИЛИ ПОЧЕМУ
РУССКИЕ – РУССКИЕ

Россия. История Великой страны

Борис Алмазов

**Мир России, или Почему
русские – русские**

«Яуза»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Алмазов Б. А.

Мир России, или Почему русские – русские /
Б. А. Алмазов — «Яуза», 2018 — (Россия. История
Великой страны)

ISBN 978-5-04-090599-7

Как возникли славяне и почему эта некогда единая общность разделилась на болгар, поляков, сербов, русских, белорусов, украинцев? Какие древние народы жили на территории нашей державы и как слились в единое могучее государство, уникальное по многонациональности? Кто такие скифы, киммерийцы, гунны, готы, балты, славяне, древние угрофинны и какое отношение они имеют к нам — нынешним? И наконец, почему наше имя собственное "русский" так похоже на прилагательное? Вопрос национальной самоидентификации и история вообще сегодня чрезвычайно актуальны, но не менее злободневно умение отличить научный факт от многозначительного псевдонаучного бреда, науку — от безграмотного шарлатанства. В книге доступным языком рассказывается о великих историках, об исторических истинах и признанных открытиях, рассматриваются мифы и заблуждения, приводятся всевозможные научные гипотезы, которые не стали академичными, однако они интересны и способны заставить по-новому взглянуть на привычные факты истории России и остального мира.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-090599-7

© Алмазов Б. А., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Введение	7
Глава первая	10
Глава вторая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Борис Алмазов
Мир России, или Почему
русские – русские

© Алмазов А.Б., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Введение

Почему русские – русские? С другими народами понятно: украинцы, японцы, американцы, германцы... или датчане, англичане... Это во множественном числе. А в единственном – китаец, француз, таец, норвежец. И все эти имена народов, – что в единственном, что во множественном числе, – согласно правилам грамматики, отвечают на вопрос «КТО?». И только «русский», согласно тем же правилам, должен бы отвечать на вопрос «ЧЕЙ?» или «КАКОЙ?». Поскольку по грамматической форме это слово вроде бы не существительное, а прилагательное... Тем не менее на вопрос «ты кто?» звучит ясный ответ: «Русский!» И никто не сомневается, что это имя существительное. Это все неспроста! Ни один звук, не то что буква, не сохраняется в человеческой памяти века и тысячелетия, ежели не заложен в них глубокий смысл! И уж если так звучит имя великого народа и никак по-другому звучать не может, если называют так себя миллионы людей, стало быть, есть тому и великие причины.

Вот, собственно, с такого запева и начнем эту книгу. Я бы ее не писал, поскольку, не страдая излишней скромностью, все же не считаю себя специалистом ни в области антропологии, ни в этнографии, ни в географии, ни в истории (хотя всю жизнь ее преподавал – правда, историю искусств), а сведения из всех этих наук и десятка других потребуются, чтобы на поставленные вопросы ответить, но не нашел я такой книги! А те из множества книг, что я прочитал, хотя и давали ответ, но все отвечали по-разному... То есть не было общей концепции – общей идеи, которая все бы ставила на свои места.

И очень я поначалу огорчился. А с годами успокоился и даже обрадовался. Если точек зрения множество, значит, тема живет... Значит, нам все еще очень важно знать, почему русские – русские! И решил я разные точки зрения, подкрепленные фактами и находками, разложить, так сказать, «по полочкам». А вот тогда, бог даст, и концепция сложится.

С детства я был помешан на истории! Хотя в те годы по истории не было книг, от каких можно помешаться в прямом, медицинском смысле. Я диагноза ставить многим ныне популярным переворачивателям истории не вправе, я не психиатр, но и смеяться мне давно расхотелось. И меня уже давно не веселит, что один всех, от индейцев до индийцев, тюрками объявляет, а другой считает Александра Невского троюродным братом Батыя!

Но мне не смешно, когда математик, прочитавший полтора учебника для младших классов «Наша Родина – СССР» или окончивший экстерном курсы начальной политграмоты, сокращает историю человечества на тысячу лет или делает римского офицера охотником на динозавров.

Этот бред уже не занимателен. Слишком его много напечатано. Как говаривал Н. В. Гоголь устами Рудого Панька: «Столько, однако, развелось печатной бумаги, что сразу и не придумаешь, чего бы в нее такое завернуть!»

Может, для завертки такие книжки и годятся, и даже безвредны, а вот для чтения, особенно юным читателям, – беда. И даже очень. Иллюзии порождают. И самая опасная из них – уверенность, что, не учившись, опираясь на информацию радиостанции «ОБС» («Одна Баба Сказала»), можно не то чтобы вровень с великими мыслителями стать, а даже уличить их в недалёковидности, в незнании, а то и в иных смертных грехах, чуть ли не в подлоге.

– Немецкий ученый Миллер извратил русскую историю, придумав в угоду царизму «норманскую теорию»!

– Ты это сам сообразил, мальчик?

– Так в учебнике написано! Ломоносов с Миллером спорил!

– Ты – Ломоносов? Ах, еще нет! Тогда утри нос, сними шапочку, встань... Встань, я тебе сказал! И со всем почтением произнеси имя русского историка академика Миллера, а еще Шлоссера, а еще Татищева, Ключевского, Шахматова, Соловьева, Костомарова, Кагера,

Веселовского, Романова, Рыбакова и еще сотен и сотен славных имен... Возражать им станешь, как только на Ломоносова выучишься.

А до того молчи да слушай, что они тебе со страниц своих трудов говорят. Они ведь и сегодня говорят, голоса-то не умолкают: книги – это ведь их голоса.

Ах, они друг с другом были не согласны?! Так ведь и боги Олимпа спорили меж собою да ругались. И все перечисленные, и многие мною не упомянутые из них, из того, из божественного круга. Почему? Да они бессмертны! Мы и сегодня на Геродота да Тацита ссылаемся! А жили-то они о-го-го когда! Бессмертные! Так к ним, сынок, и относись! Тогда не придет тебе в голову чушь, что, мол, тысячу лет назад предки Романовых (которые государи) по древнему Новгороду бегали да берестяные грамоты закапывали, совершенно точно зная, где их через тысячу лет член-корреспондент АН СССР Каргер откопает, а все для того, чтобы историю извратить!

Кстати, историю-то извратить и переделать нельзя. Событие, случившееся в прошлом, нельзя изменить. Оно было таким, каким было. Можно изменить понимание и трактовку этого события в угоду сегодняшней политике, то есть мнение по поводу исторического факта. Но не даром еще римлянами сказано: «Факты – упрямая вещь!» Мнения меняются – факты остаются. А фактов много! И они не за семью печатями. Это только историческим математикам да шахматистам в придачу кажется, что ничего не сохранилось. Только в общедоступной, не специализированной Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге два с половиной миллиона документов (единиц хранения), тех самых, про какие нашими резвецами сказано, что их нет.

Есть еще такая фраза: «Мы, работая с документами...» Ой, врут! Работа с документами – отдельная профессия. Человек, не имеющий специального образования, не то что понять, и прочесть-то документ не сможет. «Через наши руки прошли тысячи документов». Опять врут! Если работать так, как положено, человеческой жизни хватает только на несколько десятков документов, где каждая буква, каждое пятнышко на вес золота, да что там – дороже... Я к этому только прикоснулся, и то, чтобы поставить под сомнение только одну дату, чтобы исправить ее на пять месяцев, мне потребовалось пятнадцать лет.

Так что в этой книге я не буду прямо опираться на документы (такую научную книжку вряд ли станет читать неспециалист), а попробую осторожно, не то что с почтением – с благоговением произнося имя великих историков, среди которых есть такие, чьи имена я боготворю, последовательно изложить общеизвестные, но разбросанные по разным источникам факты и попытаюсь из всей этой мозаики сложить некую историческую картину, вроде киноленты, от истоков до наших дней...

Причем, упоминая факты, постараюсь показывать и разные точки зрения на эти факты. А ежели столкнусь с какой-нибудь загадкой, на какую у меня ответа не найдется, – так и напишу: не знаю! Я много чего знаю, поэтому с полным основанием могу признать, что не знаю еще больше... Не знать не стыдно! Стыдно изображать всезнайку! Стыдно не хотеть узнавать!

Начнем от простого и общеизвестного. А потом, шаг за шагом, двинемся вперед. Глядишь, и преодолеем бездну тысячелетий! Сразу-то туда не заглядывайте, а то голова закружится! А от головокружения может показаться, что «овладел ты всей культурой человечества в целом», как товарищ Огурцов в фильме «Волга-Волга» или как пресловутая коза, что «бежала через калиновый мосточек да ухватила кленовой листочек»... Еще потянет революции в исторической науке совершать и померещится, что без труда и без науки можно это сделать! И даже покажется, что, наваявши бред, изданный миллионным тиражом, можно стать ученым в том высоком смысле, в каком это звание принято в большой науке. Здесь другой закон срабатывает. Антон Павлович Чехов говорил: «Нет такого дурака, которой не нашел бы себе пары, и нет такой глупости, которая не нашла бы себе читателя». Это не про

нас, но все же запомним, как защиту от головокружения... И вперед! Неторопливо и уверенно. Не бойтесь! Я с вами!

Глава первая

Человек заселяет планету

Существует несколько теорий возникновения человека. По одним – человек появился в одном месте планеты, а затем расселился по всем континентам, по другим – современный человек (хомо сапиенс – «человек разумный») одновременно появился в нескольких местах планеты. Этим, в частности, объясняется возникновение основных рас: европейская, монголоидная, негроидная, американоидная и австралийская. Несмотря на то что все люди принадлежат к одному биологическому виду (о чем, скажем, свидетельствуют метисы, то есть дети, рожденные в смешанных расовых браках, и даже целые народы, возникшие в результате смешения разных рас, например мексиканцы), объяснить толково, почему одни чернокожие и курчавые, а другие белые и светловолосые, а третьи с узким разрезом глаз, ученым пока не удается. Наиболее популярно мнение, что расовые различия возникли в результате приспособления человека к местным условиям проживания. Родилась эта идея во времена господства всеобщей убежденности в том, что человек произошел от обезьяны в результате борьбы за существование. Нынешняя наука считает, что доказательств и этому, как и расовым различиям, пока недостаточно, и звучат они не очень убедительно.

Так меня учили в школе. И до сих пор я картинки помню, что вывешивала у нас в классе на доске учительница географии. Красивый, русобородый, в синей косоворотке – европеоид. Причесанный на прямой пробор, похожий на студента университета (их тогда много у нас в Ленинграде обучалось), – монголоид. Негроид – вылитый Поль Робсон. Еще парочка: «Чингачгук – вождь индейцев» и похожий на русского ученого Миклухо-Маклая, но черный – австралиец-«пупуас». В свои младшие школьные годы я был уверен, что имя он получил, потому что ходил голым и с голым пупком. Вскоре мое этимологическое умозаключение потерпело крушение. И за то, что написал, как понимал и говорил, а не как положено – «папуас», схлопотал я двойку. «Пупуас», что лупал на меня глазами размером с вареные яйца, остался в прошлом, и не только в моей биографии. Наука шагнула вперед, и деление основных рас теперь другое, не то что прежде: белая, желтая, черная, красная и австралийская...

А про то, что человек произошел от обезьяны, я очень обстоятельно рассказывал на уроках биологии и был «пятерочником». Но по воскресеньям не повязывал красный галстук, под которым глубоко на груди, под рубахой, всегда носил крестик, а ехал с бабушкой в церковь, где молился святому Сергию Радонежскому о даровании способности к учению (чтобы, значит, пятерки и дальше по биологии получать, ну, и по другим предметам тоже...). И твердо знал, что произошел я от Адама по воле Божьей, да и теперь в этом не сомневаюсь. Поскольку никто меня пока еще не разубедил. Адам почему-то в переводе с тюркского означает «человек», а Ева – «жизнь». С годами углубляется и усложняется мое понимание «Адама», и хочется мне понять, какой величайший зашифрованный нашими предками смысл таится в этом образе... А про обезьян – интересно, занимательно, любопытно, но как-то неубедительно.

– Но ведь вы не можете доказать, что произошли от Адама. Непосредственно!

– Разумеется. Но ведь никто этого не может и опровергнуть! Про Адама – вопрос не науки, а веры. Кстати, про обезьян – тоже...

И возражают нынче против обезьяны приблизительно теми же доводами, какими возражал в начале прошлого века мой дед: на человеческой памяти ни одна обезьяна не только не превратилась в человека, хотя условия ее существования резко изменились – в зоопарке живет, но даже цвет шерсти и глаз не поменяла. А корова, как ее ни перевоспитывай, так

коровой и остается. У одной рога длиннее, другая молока больше дает, а как ее «направленно ни селекционируй», в лошадь не превращается и даже скаковой коровой не становится. Хотя в некоторых странах – в Тибете, например, – на коровах верхом ездят, и даже, вопреки пословице, коровье седло есть, да и у нас столетиями на волах поклажу возили. Стало быть, кроме борьбы за жизнь, приспособляемости и отбора, есть еще какие-то причины, а какие – пока неизвестно. Возможно, мутация – изменение части генов в результате какого-то воздействия...

Нет, про инопланетян я в этой книжке ни слова не скажу. Оставим их в покое. И без инопланетян фантастических идей хватает. Например, уж совсем новомодная – что никуда человек не переселялся, материки расходились, а люди на них разъезжали... Ну, примерно как мальчишки весной на льдинах. Причем двигались материки со скоростью семьдесят километров в час! Произошло это в связи с падением метеорита или какого-то другого космического тела на Землю. И начался потоп, потому что выплеснулись подземные воды, которые теперь наполняют океанские впадины и, частично, еще сохраняются под землей. Эта идея – в основе своей геологическая – тут же переносится в человеческую историю и в историческое время. Мол, для того чтобы в Индию сходить или там в Египет, Александр Македонский через забор перелезал, и пожалуйста: здравствуйте, граждане индусы или, наоборот, фараоны! Материк-то один, а посредине него – единственное море, а вокруг материка – океан, то есть все так, как представляли себе мир древние.

По поводу таких сообщений я мнения не имею. Они просто за пределами того, о чем мы будем говорить, но, возможно, в компетенции медицины. Потому примем за основу классическую теорию.

Согласно ей, в тот период, что нас интересует, планета наша была такой, какой она остается и сейчас, а вот климат менялся, и не единожды. «Перволюди» ничем физически не отличались от нас. Появились они впервые в Южной Африке приблизительно 100 тысяч лет назад. Именно оттуда началось расселение человечества. 35 тысяч лет назад наши всеобщие предки переселились в Европу и вытеснили неандертальцев, в ком, вероятно, не видели своих родственников (а может быть, даже на них охотились), а неандертальцы – и это доказано – в свою очередь были каннибалы, попросту – людоеды. Правда, в пещерах Схул и Табун в Палестине обнаружены скелеты метисов неандертальцев и гомо сапиенс. Как это могло произойти – судить сложно. А то, что возникшая помесь оказалась нежизнеспособной, – очевидно. Хотя кто его знает... Может, какие-то гены неандертальцев в современном человеке есть. Наука пока ответа не дает. Ясно только, что современный человек ведет родословную от людей, живших 100 тысяч лет назад, и никакой разницы – биологической, морфологической и т. п. – меж нами нет.

Климат в это время в Европе был суровый, сказывалось влияние ледника, покрывавшего щитом значительную часть Евразийского материка, и жизнь наших предков походила на ту, что еще совсем недавно вели тундровые кочевые народы. Основу бытия составляли охота и собирательство. Одни кочевали, следуя за стадами диких животных, как волки, но чаще жили оседло (причем столетиями), в одних и тех же пещерах. Такой, например, как пещера Ласко в районе Дордонь (Франция), известная всему миру своими потрясающими рисунками.

Там, где пещер не было, строили укрытия – хижины из костей и шкур мамонтов и других крупных животных. Каркас хижин строился из бивней мамонтов и покрывался толстой мамонтовой шкурой. Посредине жилища располагался очаг, где горели кости животных. Дерево в безлесной степи, а тогда почти тундры, – редкость. В каждой хижине жили по 5–10 человек. Примерно как в юртах у степняков или в чумах у ненцев или саамов.

Подобное городище открыто археологами на Верхнем Дону, в селе Костенки. За тысячелетия костенковцы создали удивительную культуру, своеобразное и очень выразительное

искусство. Их жизнь была частью гармоничного, понятного им и хорошо освоенного мира, поэтому, когда ледник стал отступать, а климат меняться, они пошли вслед за льдами. Во всяком случае, так ученые объясняют появление подобных костенковским стоянок в Приуралье. Сразу скажу: планета уже и в это время не оставалась безлюдной пустыней. Людей на Земле обитало немного, но самые первые племена, расходившиеся по материкам, встречались друг с другом, иногда сливались в новые племена, иногда расходились. На их место приходили новые и новые людские волны, выталкивая тех, кто жил здесь раньше, но чаще образуя с ними новую общность.

Так, например, когда от племен общей уральской семьи отделились самодийцы (названы так впоследствии учеными по имени народа саамов, сами себя они, конечно, так не называли: люди и люди...), они встретились и отчасти смешались с какими-то абогинеными, то есть жившими здесь до них, племенами, а за Уралом с племенами монголоидов и унаследовали некоторые монголоидные черты, а до того имели внешность северных европейцев.

Несколько тысячелетий спустя под влиянием каких-то племен, пришедших с юга, уральская семья разделилась еще на две общности: финскую и угорскую. Но об этом мы будем подробно говорить, когда речь пойдет об угро-финнах. Сейчас мы говорим о районе Приуралья, потому что там обнаружены археологами ранние стоянки человека, появившиеся далеко на Севере сразу после того, как стал уходить ледник. Однако есть и загадочное исключение. В районе Воркуты открыта стоянка древних людей доледникового периода! Что это означает? Одно из двух: либо люди жили здесь до того, как надвинулся ледник, либо уж совсем на первый взгляд невероятное – ледника не было. Вообще! Каков же правильный ответ? А нет пока ответа! Или, возможно, я его не знаю. Итак, примерно 10 тысяч лет назад до н. э. ледниковый период закончился.

– Какое счастье!

– Как для кого! Вот если наш нынешний климат потеплеет и в наших краях начнут расти апельсины-бананы, как же грибы и клюква? А в снежки поиграть? А на лыжах? Вечная мерзлота растает – зальет все. Куда деваться, если, где олешки бегали, верблюды зашагают?

Вот и древние люди – какие не желали, или не могли, или просто не заметили, что надо приспособливаться к новым климатическим условиям, и сохраняли привычный жизненный уклад охотников и собирателей – двинулись на север. Здесь уместно заметить, что само понятие «двинулись», «пошли» не означает поход, то есть собрались и направились, как турист из задачника по арифметике из пункта А в пункт Б. Движение длилось веками. Одни уходили с насиженных мест так же неохотно, как это происходит и сегодня, другие стремились в новые края все с той же не утратившей своей притягательности и нынче мечтой: там, за горизонтом, обрести счастье!

Те же, что остались, изменили систему хозяйствования. Казалось бы, климат стал мягче, плодов земных и всяких животных – больше, но и людей прибавилось. Как говорил Л. Н. Гумилев, «антропосфера» – одна из земных оболочек, состоящая из человечества и продуктов его деятельности, – увеличилась. Если охотников, собирателей во всем мире во времена верхнего палеолита проживало одновременно меньше миллиона на всех континентах, то теперь человечество перевалило миллиард за шесть, и на прежде обитаемых территориях теперь собирательством и охотой не прокормиться. При изменении способов хозяйствования собирательство и охота перестали быть стержнем, вокруг которого строилась жизнь, человек стал оседлым земледельцем, одомашнил и научился разводить животных. Охотника и собирателя сменили пастух и пахарь.

Период раннего сельского хозяйства называется **неолитическим**. **Неолит** — новый каменный век.

Кстати, периодизация развития человечества, та, что строится в соответствии с определением методов ведения хозяйства, для всего человечества не совпадает по времени. На юге уже скот разводили, на быках пахали, плотины и города строили, а на севере еще не одно тысячелетие будут жить собирательством и охотой. И до наших дней сохранились на планете крошечные племена, которые продолжают жить таким образом. Стало быть, они все еще в верхнем палеолите?!

Это что же значит – время для разных племен течет по-разному? Смотри какое время! Астрономическое – часы, дни, годы и т. д. – для всех одинаковое: планета всех расселившихся по ее поверхности одинаково кружит, а вот историческое время – разное. И есть племена, для которых историческое время движется медленно, а то и вовсе стоит...

– Ах, они бедные!

– Это с какой точки зрения посмотреть...

Великий Корнелий Тацит (ок. 55 – ок. 120), живший в самом центре тогдашней европейской цивилизации, в Риме, в самом, как теперь говорят, «продвинутом» городе, повествует, и не без зависти, о северных феннах (в ком мы угадываем древних финнов) и вздыхает о «блаженном» гармоничном мире. Надо полагать, верхнего палеолита?

«...фенны отличаются удивительной дикостью и ужасной бедностью; у них нет оружия, нет лошадей, нет пенатов (богов дома, кладбищ, родительских могил; эти божки-пенаты, или лары, превратились у славян в известных нам домовых. – Б.А.), пищей им служит трава, одеждой – шкура, ложем – земля. Вся надежда их на стрелы, которые они за неимением железа снабжают костяным наконечником. Одна и та же охота кормит мужчин и женщин, которые повсюду их сопровождают и участвуют в добыче. Их дети не имеют другого убежища от диких зверей и непогоды, кроме сплетенных между собой ветвей, под которыми они скрываются; сюда возвращается молодежь, здесь пристанище стариков. Но это они считают большим счастьем, чем изнывать в поле, трудиться в доме, рисковать своим и чужим добром, постоянно находясь между надеждой и страхом. Не опасаясь ни людей, ни богов, они достигли самого трудного – им даже нечего желать».

Правда, сам Тацит вернуться в блаженное состояние не торопился, да и вряд ли бы смог. Это к вопросу о прогрессе и счастье, что не всегда прогрессу сопутствует.

Тут нам следует прерваться, чтобы сделать два отступления. Во-первых, уточним, что такое человеческие расы, а во-вторых, как живущие на нашей планете люди подразделяются по языкам. Цитирую прямо по справочнику «Народы мира» – правда, не могу удержаться от комментариев. Внимательно прочтите приложение № 1 и № 2.

Почему я такой?

Чем один народ отличается от другого? Это только на первый взгляд кажется – ну, чего проще?! Разве можно спутать между собой негра и китайца, индейца и австралийского аборигена? Они же разные! И по цвету кожи, и по конституции лица – форме носа, разрезу глаз и т. д. и т. п.

А как различить, например, европейцев: финна, англичанина, белоруса и ярославского мужика?

Чего проще! Пусть заговорят! Языки-то разные!

Но Лев Николаевич Гумилев любил рассматривать этот вопрос, начиная его с рассказа о своей матери – Анне Ахматовой.

«Моя мать, – говорил он, – до десяти лет не знала русского языка. Говорила по-французски. Но то, что она не французенка, не требует доказательств. Иначе не стала бы она великой русской поэтессой! Александр Сергеевич Пушкин был, говоря языком расистов, цветным! Он – «квартиронец», то есть на четверть темнокожий. Его предки с одной стороны – русские бояре, а с другой стороны – эфиопы или негры, или, как их называли в его время, «арапы». Но он – великий русский поэт, и никому в голову не придет считать его африкан-

цем. Хотя в Африке к нему относятся с большим почтением и даже поставили памятник как великому негритянскому поэту. Последнее обстоятельство к нашему разговору не относится – это сфера политики, а не антропологии, этнографии, истории и других наук, к каким мы будем обращаться».

Перечень, начатый Львом Гумилевым, можно продолжить: сын русского барина и пленной турчанки – великий поэт Василий Жуковский; среди предков Лермонтова – шотландцы, что не помешало ему стать русским гением.

Так где же критерий? Где та мера, что позволяет относить человека к тому или иному народу?

Л. Н. Гумилев предлагает следующую ситуацию.

В трамвае едут грузин, татарин, русский и немец. Допустим, что все они обладают средневропейской внешностью, поскольку бывают светловолосые татары и грузины и очень черноволосые немцы и русские. Определить, кто из них кто, пока они молчат, – невозможно. Национальность можно определить по акценту, но только в том случае, если они знают свой родной язык. А если для них родной язык – русский? И они говорят на нем без акцента?

Лев Николаевич развивает ситуацию. Как говорят космонавты, «дает вводную»: в трамвай на остановке влезает пьяный и начинает приставать к пассажирам.

По мнению Гумилева, возникает ситуация, когда мы можем увидеть признаки принадлежности человека к той или иной национальности. Гумилев назвал это «стереотипом поведения».

Что это такое?

В данном случае типичное для определенного этноса поведение каждого из участников эксперимента.

Русский долго будет уговаривать пьяного утихомириться.

Татарин, не скрывая своего омерзения, выйдет на ближайшей остановке и пересядет в другой трамвай.

Немец остановит трамвай и вызовет полицию.

Кавказец даст пьяному по физиономии.

Добавлю: я, донской казак, считаю казачество субэтносом, и казачий стереотип поведения несет в себе стереотипы, по крайней мере, трех народов. То есть этнический, потомственный, а не «ряженный» казак сначала мягко сделает пьяному замечание, затем цыкнет, а уж если тот не утихомирится, намылит ему шею и вышвырнет на остановке из трамвая. Однако для казачьего стереотипа поведения, на мой взгляд, характерно другое: казак обязательно влезет в любой скандал и примет в нем живейшее участие. Вы скажете, что это довольно условная история, что поведение наших придуманных «героев» не обязательно будет таким. Но все-таки – согласились! – здесь видно некоторое присутствие национального «стереотипа поведения». Приведу еще один пример.

Психологи заметили, что южане считают северян холодными и довольно-таки заносчивыми людьми. А северяне южан – крикливыми, хамоватыми. Чаще всего такие суждения возникают после их общения друг с другом. При исследовании психологи выявили интересную подробность: у южан и северян при диалоге возникает (на уровне подсознания) потребность в разной дистанции. У южан – это сантиметров 90, у северян – не менее 120. То есть в момент диалога каждый – неосознанно! – старается держать указанную дистанцию. Южанин, напирая на собеседника, сокращает расстояние до «запланированных подсознанием» 90 сантиметров, а северянин отодвигается, увеличивая это расстояние хотя бы до «положенных» 120.

Откуда берется существующий на уровне подсознания стереотип поведения? Как утверждают ученые, национальный стереотип – это память о прошлом. Человеческая память

всегда что-то упускает, что-то сохраняет, а что-то оставляет навсегда. Процесс «запоминания» на уровне подсознания для ученых-психологов пока еще достаточно обширное «белое пятно», но, как видите, даже небольшие открытия в науке дают неожиданный результат.

Как формируются такие стереотипы? На их формирование в первую очередь влияют природные условия, в которых жили наши предки. Приведу очень показательный пример.

Жители Южных Курил и Японии, находящиеся почти что в одинаковых климатических условиях, по-разному реагируют на внезапно наступившую жару. Русский снимет рубаху, японец – штаны.

А объясняется это стереотипом поведения, воспитанным в разных климатических условиях. Русские пришли на Курилы с севера, где нет палящих, падающих почти отвесно лучей солнца – спину не сожжешь, а земля, как правило, холодна... Японцы же побаиваются жгущих солнечных лучей, их давние предки жили почти на экваторе, где солнце жжет, а земля под ногами – теплая...

Влияет на стереотип поведения и система хозяйствования, связанная с ландшафтом, а значит, и быт, и пища, и, конечно, исторический опыт, поэтому стереотипов поведения множество. Люди это заметили давно. Пожалуй, именно стереотип поведения имеется в виду, когда начинаются разговоры о «голосе крови», категории скорее поэтической, чем научной, поскольку ее невозможно измерить. Это не говорит о том, что голоса крови нет. Душу вот тоже измерить пока не удастся, а я уверен в ее наличии. Есть! А как же!

Но это все критерии объективные, включая даже стереотип поведения, хотя, например, русский, долгое время живущий среди чеченцев, полностью усваивает стереотип поведения чеченцев, но все равно считает себя русским. И вот это очень важное обстоятельство: кем человек себя считает сам! Лучше всех на вопрос «кто индеец?» (а в Индии представлен весь расовый спектр народов мира и сотни, если не тысячи, языков) ответил Джавахарлал Неру: «Индийцем считается человек, проживающий на территории Индии или на любой другой территории, говорящий на одном из языков Индии или не знающий его, живущий по индийским обычаям и в рамках индийской культуры или не живущий так, как живут в Индии... но считающий себя индийцем!»

Но кем себя считает человек, то есть к какому этносу себя причисляет, – не случайно. Законы, по каким складываются или не складываются этносы, пока изучены не вполне, далеко не все открыто. Но такие объективные законы есть. И мы их обязательно коснемся, когда будем изучать, как и какие этносы складывались на территории России, как и когда русские стали русскими.

Здесь, пожалуй, следует прочитать приложение № 3 – фрагменты статьи самого Льва Николаевича Гумилева. Мне все равно лучше него не сказать.

Современники фараонов

К сожалению, до сих пор большинство учебников, подробно и последовательно рассказывая о Древнем Египте, Ассирии и Вавилонии, о государстве ацтеков, о крито-микенской культуре, о древнем Шумере (о нем еще совсем недавно ничего не было известно, а ныне расшифрованные клинописные таблички доносят до нас даже судебные протоколы, и жителей этой страны мы знаем чуть ли не поименно) и о многом другом, глухо или вообще ничего не говорят о землях, лежащих севернее Черного моря, словно там ничего не происходило. А это не так. Люди и в те древние времена заселяли всю Землю. Племена двигались, сливались и расходились. Мир человеческий клокотал, разливался по всем просторам суши и при этом постоянно и поразительно изменялся.

Примерно за 9000 лет до Р. Х. в районе «Плодородного Полумесяца» (он располагался примерно от первого города-крепости на планете Иерихона в нынешней Иордании – построен в 8000 г. до н. э. и в 7000 г. разрушен кочевыми семитами, но затем восстановлен – до Персидского залива) люди освоили первые приемы земледелия и скотоводства. Люди

уже долгие тысячелетия населяли Европу – наскальной живописи в Испании 35 тысяч лет. Первобытные охотники создавали свои произведения до IX тыс. до н. э. А петроглифы, или, как их еще называют, «писанцы», от палеолита до Средневековья...

Почему именно IX тыс. до н. э. стало точкой отсчета? В IX тыс. до н. э. сменился способ производства, зародилось примитивное земледелие, возникло скотоводство, но, опять-таки, не на всей планете. В эти века еще большая часть человечества живет охотой и собирательством. Однако с появлением стад домашнего скота, что было великим благом, появился и грозный спутник цивилизаций – война! И до этого племени, безусловно, сталкивались, и стычки эти были, вероятно, достаточно кровавы, но теперь появилась цель – отнять стадо, отнять главную ценность и самим мгновенно разбогатеть.

Потому-то и пришлось построить первую крепость – Иерихон. Город по тем временам огромный. В нем проживали целых две тысячи человек. Почему в этом месте поднялись крепостные стены? Он стоит на дороге, что соединяет три материка, – Африку, Азию и Европу. Иерихон – замок на этой дороге. Его никак не миновать и не обойти. С одной стороны море, с другой – горы. А торговля-то уже была! Стало быть, в Иерихоне оставляли плату за проход!

Примерно в 6000 г. до н. э. в Малой Азии вырос, как бы мы теперь сказали, крупный «промышленный центр» – город Чатал-Гуюк. Как называли его сами горожане, мы не знаем. Нынешнее название он получил по названию соседней турецкой деревни. В нем жили и трудились более 5000 человек. Лепили посуду, ткали материю, изготавливали из обсидиана различные орудия – естественно, на продажу.

В это же время земледельческие общины расселяются вдоль Нила в Египте. А далеко-далеко на Севере пра-пра-пра-прапредки будущих финнов и ненцев, принадлежащие к уральской языковой семье, освоили охотничьи угодья в Восточном Приуралье и дошли до Заполярья. Я думаю, что физических и интеллектуальных усилий этот тысячеверстный и многовековой марш к Ледовитому океану потребовал не меньше, чем освоение первобытного земледелия. И там, на вечной мерзлоте, в лесах и тундре, возникла удивительная цивилизация, только совсем другая, не такая, как на южном берегу Средиземного моря. Вероятно, люди появились на Севере еще раньше. До прихода или до формирования древней уральской семьи люди здесь уже жили. Они влились в состав пришельцев.

В VI тысячелетии до н. э. из общей уральской семьи выделились самодийцы – предки ненцев, селькупов и омоков. Они обогнули полярный Урал, где смешались с древними народами монголоидной расы – отсюда в их облике есть монголоидные черты, – и заселили огромные территории от Белого моря до полуострова Таймыр включительно, приручили оленя и создали потрясающую тундровую культуру, научившись жить весьма безбедно и счастливо в самых суровых актических условиях. Это все каменный век. Все оружие и орудия каменные или костяные.

Около 5000 г. возникает земледелие в Шумере (Месопотамия), тысячу лет спустя там появились города. И в это же время, в 4000-х гг. до н. э., происходило открытие техники плавки золота и меди. Через полтысячелетия в Шумере изобретают колесо, а в *Средней Азии получают сплав меди и олова – бронзу*. Начинается бронзовый век.

Примерно в 3300-х гг. до н. э. Верхний и Нижний Египет объединились под властью фараона. В 3118 г. до н. э. фараоном стал Менес, учредивший столицу в Мемфисе. Об этом событии сообщают древние египетские хроники, и оно зафиксировано в древнейшем дошедшем до нас памятнике египетского изобразительного искусства, так называемой плите Нермера. Но в это же время произошли события, которые нигде не зафиксированы, однако последствие происшедшего – наша с вами нынешняя жизнь.

Между 3000 и 2000 гг. до н. э. начались массовые расселения на территорию Азии и Европы народов двух языковых ветвей: индоевропейцев и семитов. Семиты – прапредки евреев, арабов, вавилонян, финикийцев. Индоевропейцы – предки племен, пошедших на

юго-восток, – хеттов, мидян, иранцев, персов, на север – скифов и арьев. Арьи обогнули Каспий и вторглись с севера на полуостров Индостан. Поэтому в индийских свидетельствах арьи – жители Севера.

Волна индоевропейцев покатила по Европе, где стали возникать центры будущих языковых семей: кельтов, италиков, иллирийцев, фракийцев и пришедших на берега Средиземноморья предков греков.

Севернее кельтов сформировался центр образования германских племен, между ними и древними балтами, между Одером и Вислой, выделились племена праславян. Повторяю: это все индоевропейцы.

Балканский полуостров и Кикладские острова освоили предки античных греков.

На острове Крит возникает первая европейская цивилизация. О ней еще век назад вообще ничего не было известно, а нынче восстановлены дворцы-лабиринты, и мы можем восторгаться произведениями искусства золотого века Крита, созданными между 2000 и 1450 гг. до н. э. Кносские дворцы раскопал археолог Эванс. Часть крито-микенского, так называемого линейного письма расшифрована, и мы можем с уверенностью сказать: авторы этих табличек говорили по-гречески. Гибель этой цивилизации относят к 1500-м гг. до н. э. Часть историков называют еще более точную дату: 1468 г. до н. э. Именно в этот год взорвался вулкан на острове Санторине (Фера). Раскопки начал и выдвинул впервые гипотезу о вулканической катастрофе греческий археолог Маринатос, погибший в раскопе. Санторин его не отпустил. Вулканический взрыв по силе сравнивают со взрывом 150 атомных бомб. Причем взрывались они будто заложенные в пулеметную ленту – последовательно, с перерывом в несколько минут.

Есть предположение, что воспоминания об этой катастрофе отражены в легендах о Всемирном потопе и о гибели Атлантиды. В образовавшуюся от взрыва огромную воронку шириной в восемь миль и глубиной в милю хлынуло море, поднявшаяся волна смыла все с побережья материков на расстоянии в 60 миль, а пепел, выброшенный вулканом, превратил день в ночь. Китайские хроники сообщают, что «солнце превратилось в луну и вымерзло пять урожаев риса». Дату катастрофы с большой точностью определили по антарктическому льду, где в слоях этого времени обнаружили следы вулканического извержения. Умиравший от голода Крит легко завоевали греки – микенцы, – те самые, что завоевали Трою, обнаруженную Генрихом Шлиманом.

В это же время на южном побережье Средиземного моря и в Египте появляются «народы моря» – «фелештым» – филистимляне, как звали их древние семиты – иудеи. Свое имя, или, вернее, данное им прозвище (как они сами себя называли – неизвестно), они оставили побережью, где высадились и жили, – Палестине. Кто они, эти загадочные «фелештым», и почему так легко раздвинули плотно заселявшие благодатные земли на побережье теплого моря племена? Возможно, беженцы, уцелевшие после страшной катастрофы, но не исключается, что это и жестокие микенцы, завершившие здесь свой завоевательный поход. Ясно одно: они – индоевропейцы, ни египтянам, ни семитам не родственники. И лучше вооружены. Они знали бронзу. В сказании о Самсоне говорится, что сыны израилены зависели от филистимлян, поскольку ходили к ним затачивать свои каменные орудия.

На маленьком кусочке планеты столкнулись две разные цивилизации и две эпохи – самый финал каменного века и век новый – бронзовый. Правда, противостояние это длилось недолго. Бронзовый век стремительно сменил каменный. Имеют ли современные палестинцы и евреи из Израиля отношение к тому давнему конфликту? Я уверен, что только по названию. Нынешние палестинцы – арабы, то есть представители той же языковой семьи, что и евреи – сефарды, – никогда не покидавшие эти земли, а остальные израильтяне – пришельцы со всех концов света и даже представители разных рас. Как и палестинцы, они – современные люди, и с тысячелетним прошлым их роднят древняя религия и народное пре-

дание. Ни один народ не живет так долго. Но об этом подробнее в главе «Народы приходят и уходят – люди остаются».

Это все в теплых краях, в Средиземноморье. А у нас-то! У нас-то?! Уточним: на территории современной России и соседних ближних территориях. У нас тоже жизнь кипела! Примерно в середине II тыс. до н. э. – до Рождества Христова – образовалась праславянская общность, рядом с ней прагерманская и древнебалтийская. Еще раньше уральская группа, из которой выделились самодийцы, разделилась на угорскую и финскую. И все эти народы – предки современных народов – продолжали расселяться по планете, поглощая племена тех, кто жил в этих местах до них, и превращаясь в новые этносы.

Слово о бронзе

Три немолодых английских джентльмена, три старых холостяка, любили раз в неделю собираться у зажженного камина, уж не знаю, с трубками в зубах или со стаканами грога в руках. Как это принято у уважаемых англичан, каждый из них имел хобби. А надо сказать, настоящий английский джентльмен все, за что ни берется, делает основательно. Один – серьезно увлекался археологией, другой – геологией, а третий – чем увлекался, неизвестно, но служил старшим бухгалтером в какой-то крупной промышленной конторе.

В тот вечер археолог-любитель принес показать друзьям древний каменный топор, что нашел у себя в палисаднике, когда возился с посадкой розового куста. Он объяснил, что этот топор служил древнему охотнику во времена верхнего палеолита, то есть много тысяч лет назад.

Более всех находкой заинтересовался геолог, потому что камень, из которого выточен топор, в Англии не встречается. Этот редкий обсидиан – вулканическое стекло – родом из Афганистана.

Первая мысль, что пришла на ум друзьям, была такая: древние охотники, чья стоянка располагалась на месте палисадника археолога, пришли из Азии и принесли топоры с собой. Но археолог опроверг эту мысль, сказав, что топоров и иных изделий из этой каменной породы такое множество, что явно они накапливались десятками лет. Значит, топор – предмет торговли? Значит, в первобытные времена торговля уже существовала?

Через пятнадцать лет друзья издали научную работу, где на тысячах примеров (археолог находил, геолог определял, бухгалтер «обсчитывал» – готовил статистические и прочие математические данные) доказали, что в каменном веке, и в верхнем палеолите, и в мезолите, и в неолите уже существовала, как бы мы сказали сегодня, международная торговля.

Так вот, если даже в каменном веке древние купцы доставляли товары за многие тысячи километров, то в бронзовом веке торговля стала делом привычным. Бронза – металл искусственный, это сплав меди и олова, в природе он не встречается, его нужно изготовить. И даже пути, по каким доставлялись медная и оловянная руда или слитки, например в Древний Египет, можно проследить с точностью до километра.

В 2001 г. аквалангисты недалеко от древней Александрии обнаружили на дне моря остатки корабля – современника фараонов. Это, пожалуй, самый древний корабль из найденных на Земле. Может быть, старше Ноева ковчега, если тот существовал и в нем праотец спасался от последствий извержения на Санторине. Корабль – купеческий. Товарами – набит. Самое поразительное – слитки меди и олова. Всего десять тонн. Девять меди и тонна олова, то есть соотношение, необходимое для выплавки бронзы. Медь из Афганистана и с Кипра (потому этот остров так и назывался: Кипрус – Медный), а олово из Англии. Десяти тонн бронзы хватило бы для вооружения целого войска.

По другим товарам определили, что корабль курсировал вдоль побережья Северной Африки, Малой Азии, Балканского и Пиренейского полуостровов, доходил до территорий современной Франции и Испании и возвращался в Египет. То есть плавал по всей акватории Средиземного моря вдоль берегов. Для того чтобы совершать (и не убыточно) такое

плавание, нужно быть не только моряком, но, как теперь говорят, маркетологом. Знать, где что купят, где и что купить самим, чтобы получить прибыль. Корабль нагружен, что называется, под завязку. Это говорит о том, что и порты, и рынки морякам-купцам были давно и хорошо известны. Средиземноморский рынок складывался давно: и медь, и олово везли к побережью очень издалека. Олово – через Ла-Манш, потом через всю нынешнюю Францию, к району Марселя; медь – из Афганистана. Только Кипр был под боком, но на этом острове медные копи истощились уже ко временам Гомера, т. е. к 700-м гг. до н. э.

А где же впервые человек добыл медь и выплавил бронзу? Не в Египте и не в Древней Греции, не на Кипре и не на Крите, а в дальней-дальней «исторической глуши», в давние-давние времена. На Южном Урале, в нынешней Башкирии. Там есть поразительное место, где находятся еще совершенно неисследованные медные копи древних людей. Называется оно – Аркаим.

Здесь степь как степь. Сухая, покрытая жесткой травой. Но стоит присмотреться, как отыскиваются многочисленные ямы-колодцы – это самые первые на нашей планете рудники. Они и отдаленно не напоминают даже примитивные шахты времен европейского Средневековья. В них есть что-то биологическое. Скорее, они похожи на ходы, какие прогрызают под корою личинки древесных жуков. Вся окрестная степь на глубине от трех до пятнадцати метров буквально прогрызена этими ходами. Туго приходится исследователю, когда он пытается пролезть ходами первобытных рудокопов. Они копали свои лазы, только чтобы проходили плечи, а плечи у них были много уже наших. Рост старателей Аркаима не превышал 150–160 см. Может быть, они чувствовали запах меди? Как, например, бушмены Южной Африки чуют запах воды под восьмиметровой толщиной песка. Как они отыскивали медные самородки в толще породы, как вытаскивали их на поверхность? Их технология загадочна не меньше, чем мастерство строителей пирамид или каменотесов с острова Пасхи.

Здесь, в Аркаиме, на поверхности земли были и дробильни, где камнями измельчали медную руду, и плавильные печи. Отсюда медные слитки расходились по всему тогдашнему миру. Наверное, здесь человек впервые сплавил медь и олово, получив новый искусственный материал – бронзу.

Кто они, загадочные шахтеры и кузнецы Аркаима? Как выглядели? К какой расе принадлежали? На каком языке говорили? Пока неизвестно.

Финно-угорский мир (по Савельевой)

6–7 тыс. лет тому назад существовал более или менее единый праязык (язык-основа), что предполагает наличие прауральской общности, говорящей на этом языке.

В эпоху неолита, VIII–III тыс. до Р. Х., уральская общность распалась на финно-угорскую и самодийскую. В дальнейшем происходит разделение финно-угорской общности на финно-пермскую и угорскую с соответствующими праязыками, из которых в процессе длительного исторического развития выделяются современные финно-пермские, угорские и самодийские языки. К угорским языкам относятся венгерский, мансийский и хантыйский, к финно-пермским – пермские (коми и удмуртский), волжские (марийский и мордовский), прибалтийско-финские и саамский языки. Самодийские языки представлены ненецким, энецким, нганасанским и селькупским. В общей сложности к уральским относится около 20 языков.

Большинство уральских народов проживает на территории России, за исключением венгров, финнов и эстонцев. Наиболее многочисленными являются венгры (более 15 млн чел., из них 5 млн проживают за пределами Венгрии). Вторым по численности народом являются финны (4,6 млн чел.). Эстонцев насчитывается около 1 млн чел. На территории России (по данным переписи 1989 г.) живут мордва (1072,9 тыс. чел.), удмурты (714,8 тыс. чел.), марийцы (643,7 тыс. чел.), коми-зыряне (336,4 тыс. чел.), коми-пермяки (147,3 тыс. чел.),

карелы (124,9 тыс. чел.), вепсы (12,1 тыс. чел.), ханты (22,3 тыс. чел.), манси (8,3 тыс. чел.), ижорцы (449 чел.), ливы (64 чел.) и водь (25 чел.), а также финны, венгры, эстонцы, саамы.

Финно-угры – исконные обитатели лесной полосы Европейского Севера и в древности являлись одной из мощных общностей Старого Света. Их родство и происхождение от одного корня установлено на основе данных сравнительного исторического языкознания. В лексике любого языка представлен первичный основной слой, в который входят местоимения, названия частей тела, некоторые имена родства, названия объектов или явлений природы и элементарных действий. Применение метода глоттохронологии (от греч. – определение времени по данным лингвистики, языка) позволило выяснить, что из 100 подобных слов общими для венгерского и финского являются 27 %, для финского и коми – 31 %, для мордовского и марийского – 36 %, для самодийских и финно-угорских языков – 13–15 %. Предполагается, что уральский язык включал 20 000–25 000 лексических единиц. Общий лексический пласт в уральских и финно-угорских языках позволяет определить территорию обитания носителей этих языков, восстановить их занятия и образ жизни, уровень материальной и духовной культуры.

Для определения прародины уральцев и финно-угров используются данные лингвистической палеонтологии, или биогеографии. Общие названия растений и животных в исследуемых языках с учетом географического распространения этих биологических видов в определенную эпоху позволяют очертить ту территорию, на которой они одновременно бытовали, и таким образом определить прародину уральской (финно-угорской) общности. Кроме того, привлекаются данные топонимики, археологии, этнографии, антропологии.

Среди нескольких научных гипотез наиболее полной представляется выдвинутая в 60–70-е гг. XX в., разработанная ведущими уральскими археологами О. Н. Бадером и А. Х. Халиковым и выдающимся венгерским лингвистом П. Хайду. Согласно этой гипотезе, территория обитания древних уральцев в эпоху распада уральской общности определяется П. Хайду на территории к северу от Среднего Урала, в бассейне Нижней и Средней Оби, включая истоки Печоры. А. Х. Халиков на основании археологических материалов локализует уральскую общность по обеим сторонам Урала, точнее, в Прикамье и Западной Сибири (до среднего течения Оби). С ней сопоставляется раннеолитическая урало-камская археологическая культура.

В середине IV тыс. до н. э. начинается распад уральской общности, спровоцированный приходом иноэтничных групп населения с юга, на финно-угорскую и самодийскую. Предки самодийцев расселяются до Енисея, древние финно-угры смешиваются с пришельцами и в позднем неолите распространяются на территории между Волго-Камьем и Уралом, а также отчасти в Зауралье. В конце III – начале II тыс. до н. э. это население вторгается в бассейн Оки, где, согласно этой концепции, в это время жили финно-угорские племена. Пришельцы ассимилируют аборигенное население восточной части Волго-Окского междуречья. По северному пути с верховий Камы и Вятки они проникают также на Северную Двину и далее до Сухоны и Белого моря, на юге – до территории современной Башкирии. В результате на обширной территории лесной полосы между Восточной Прибалтикой и Уралом формируется финно-угорская общность.

Древняя финно-угорская культура, получившая название волосовской, испытала влияние соседних этносов, в частности иранского происхождения. Волосовская культура послужила основой формирования прибалтийских, волжских и пермских финнов. Финно-угры в течение многих столетий неоднократно все новыми и новыми волнами продвигались из района их прародины на запад.

В настоящее время среди уральских, в том числе финно – угорских, народов распространены три антропологических типа: уральский, беломорско-балтийский и атлантико-черноморский.

Для уральского типа характерны мезокефальная форма головы, тонкие прямые волосы черного или каштанового цвета, кожа менее смуглая, чем у монголоидов, глаза карие или темные, растительность на лице редкая или средняя, лицо умеренно широкое, нос умеренно выступающий, спинка носа вогнутая или прямая, уплощенность лица умеренная, скуловая кость не очень широкая, монголоидная складка века встречается редко, губы тонкие или умеренно пухлые, рост небольшой или ниже среднего.

Уральский тип сформировался в процессе смешения европеоидных и монголоидных элементов и, таким образом, занимает промежуточное положение между двумя большими расами. Он наиболее характерен для обских угров, встречается среди самодийцев, некоторые черты наблюдаются в антропологическом облике пермских народов и марийцев, тюркских народов Сибири, а также чувашей и башкир.

Беломорско-балтийский (восточно-балтийский, восточно-европеоидный) является чисто европеоидным. Для него характерны умеренная брахикефальность, прямые или слегка волнистые белокурые волосы, светлая кожа и глаза, умеренно густая растительность на лице, умеренно высокая переносица, спинка носа вогнутая или прямая, рост средний или ниже среднего. К этому типу относятся прибалтийские, волжские и пермские финны. Он характерен также для латышей, литовцев, северных русских и поляков.

Атлантико-черноморский (атлантико-понтский) тип менее распространен среди финно-угров. Он характеризуется наличием сравнительно темных и отчасти волнистых волос, довольно густой растительностью на лице, глазами темного или темноватого цвета, продолговатым лицом, высокой переносицей, прямым или с небольшой горбинкой носом. Подобные признаки в сочетании с мезокефальностью или умеренной брахикефальностью встречаются у некоторых групп коми-пермяков, удмуртов и мордвы-мокши, а также у южных манси. Перечисленные антропологические типы сформировались в процессе длительного исторического развития, смешения различных групп населения. Атлантико-черноморский тип проник к финно-уграм через контакты с южными народами – иранскими и тюркскими. Беломорско-балтийский тип характерен для финно-пермской ветви, уральский – для обских угров, самодийцев и древних венгров. Предположительно первоначально древние финно-угры могли быть европеоидами. Монголоидный компонент, особенно выраженный у восточных уральцев, является следствием длительного воздействия монголоидов, не коснувшегося западной ветви финно-угров.

В эпоху уральского и финно-угорского единства основными занятиями населения являлись охота и рыбная ловля, а также собирательство. Из домашних животных была приручена только собака. Основными продуктами питания служили рыба и дичь. Важным подспорьем в питании являлись ягоды, яйца диких птиц. Основным средством передвижения летом служила лодка, зимой – сани. Одежду шили из шкур диких животных. Финно-угры знали счет, ориентировались во времени и пространстве. К финно-угорской эпохе относится появление названий золота и олова, а также ряда земледельческих культур продуктов питания, например «семя», «зерно», «пшеница», «каша», «мука». Названия основных земледельческих культур и процессов в финно-угорских языках имеют иранское происхождение. Финно-угры познакомились с ним через своих южных соседей, и, возможно, некоторые из них начали осваивать примитивные формы мотыжного земледелия.

Угры, оставшиеся после распада финно-угорской общности в конце III тыс. до н. э. в Западной Сибири в связи с наступлением относительно сухого и теплого климата, приведшего к сдвигу границы степи на север, отступают в более южные районы, где вступают в интенсивные контакты с соседними племенами и народами, от которых заимствуют опыт занятий животноводством и земледелием. Уже в первой половине II тыс. до н. э. древние угры разводят лошадей, крупный рогатый скот, овец. Развитие коневодства у венгров во время их переселения на их историческую родину является угорским культурным насле-

дием. Важная роль коневодства отмечается и в жизни предков хантов и манси. Распад угорской общности вызван климатическими изменениями на рубеже II–I тыс. до н. э. Область обитания угров становится засушливой полупустыней, непригодной для ведения сельскохозяйственного хозяйства. Тогда предки обских угров переселяются в северные районы, на Обь, а правенгры переходят к кочевому животноводству.

В VII в. до н. э., в связи с наступившим похолоданием и отступлением степи, правенгры откочевывают на юг, затем в Европу, на территорию современной Башкирии, где устанавливают тесные контакты с тюрками. В процесс великого переселения народов втягиваются и правенгры, уже тесно связанные с племенным союзом полукочевых тюркских народов. Они достигают южнорусских степей, а оттуда двигаются далее на запад. Следы правенгров некоторые исследователи находят и на территории Нижнего Прикамья, где исследованы могильники VII–IX вв., связываемые с правенграми.

Обские угры, переселившиеся на Обь, появляются в районах к западу с Уральских гор и осваивают тундровые районы Северной Евразии, смешиваясь с аборигенами, что нашло отражение и в антропологическом типе обских угров, и в их субарктической материальной культуре. Они возвращаются к прежнему охотничье-рыболовецкому типу хозяйства. Угры ассимилировали северное тундровое население, сохранив угорский язык своих предков.

Финно-пермские народы после распада финно-угорского единства расселяются на обширных пространствах лесной зоны европейской части России. Около 1500 г. до н. э. происходит разделение финно-пермской ветви на пермскую и финноволжскую. Есть основания предполагать, что в это время отдельные группы и пермских, и волжских финнов освоили навыки занятия земледелием и животноводством, но этот процесс затянулся на многие столетия и произошел у разных народов не одновременно. Прапермская общность, по мнению языковедов, длилась около 2000 лет. Разделение двух пермских языков лингвисты относят примерно к IX в.

В течение I тыс. до н. э. произошло разделение предков прибалтийских финнов, саамов, мордвы и марийцев. В их языках сохранились следы длительных связей с иранскими народами. К концу этого периода и началу следующего относятся их контакты с балтийскими народами, продолжавшиеся и после отделения прибалтийских финнов.

Современные финно-угорские народы имеют общие генетические корни, но на протяжении многих тысячелетий они вступали в контакты с различными племенами и народами. Сформировавшиеся в глубокой древности финно-угры в процессе освоения лесных пространств Евразии создали уникальную самобытную культуру, которая является составной частью мирового культурного наследия.

Кто древнее?

Вопрос, интеллигентно выражаясь, не корректный, а по-простому формулируя – дурацкий! Древнее кого? Древнее человека – динозавры! А уж ежели ты этот самый разумный-преразумный сапиенс – так все одинаково древние.

– Мы – народ древней культуры! – заявил с гордостью солдат из Средней Азии, выражая свое презрение к сержанту, уроженцу Псковской губернии.

– Вы?! Да мы вас стоя писать обучили! – заорал возмущенный сержант, чем поставил в тупик не только военнослужащего, бывшего трудящегося Востока, но и весь взвод. Я стоял в том взводе. И с грустью признавал, что оба правы. И солдат из Средней Азии, который только в армии попробовал мороженое (кстати, изобретенное древними китайцами) и впервые увидел трамвай на двадцать втором году жизни, и гордый скобарь, неизвестно откуда узнавший, что на Востоке мужчины до прихода европейских солдат мочились, сидя на корточках, как женщины, и этим во многом объяснялось повальное распространение мочекаменной болезни... И оба виноваты!

Вина их в том, что каждый считал себя выше другого. Один – потому что, как он считал (ему так сказали, а он поверил), его предки возводили архитектурные шедевры и строили оросительные каналы, *в то время как...* Второй – потому что мнил себя вершиной современной мировой культуры, символом которой считал атомную бомбу и теплый ватерклозет, ну и, разумеется, ракеты, телевидение... Если бы они просто рассуждали на исторические темы, то возразить бы сержант должен был тем, что его древние предки *в ту пору, когда* в Средней Азии бронзовыми кетменями с потрясающим искусством и терпением пробивали в каменистом грунте арыки, на севере, в псковских лесах, выплавляли из болотной руды первое железо... Потому и зовут псковичей скобарями, что не было с древнейших времен равных им кузнецов, ковавших прежде всего орудия мирного труда – сошники да косы, подковы да скобы... потому и скобари. И он тоже представитель народа древнейшей культуры – только другой, северной, железной.

Что же касается предков... «Темна вода во облацех». Не исключено, что среди прапра-прадедушек гордого скобаря затесался какой-нибудь ордынец, а среди бабушек «чурки неумытого» – псковская русоголовая красавица или средневековый мастер из Пскова, ковавший скобы и в Самарканде, или купец Садко (Саддок?), или вообще варяг, ходивший по Волжскому пути из варяг в хазары на море Хвалынское – Каспий, свей или урман.

И кабы могли они, крикнули бы своим потомкам: «Не ругайтесь! Не чваньтесь друг перед другом – вы братья!»

– Быть того не может! – закричали на меня мои однополчане, когда я им об этом сказал.

– Да? А почему у тебя, скобарь, волосы как конский хвост, а у тебя, чурек недопеченый, глаза голубые?

Кстати, предки ведь все эти века кричат нам, а мы слушать не хотим. Повторяю, настало время искать друг в друге сходство, а не различие... Хватит! Наразделялись!

Что же касается разговоров, какая культура лучше, дело еще сложнее. Посмотрите, как весь так называемый цивилизованный мир лихорадит, как только меняются цены на нефть. Чем технически совершеннее становится человечество, чем на первый взгляд сильнее – тем оно уязвимее. Сбой в компьютерах – и остается без электроэнергии Северо-Американский материк! Чудом и молитвой праведников объясняют, как это не переросло в глобальную техногенную катастрофу, способную смести и все достижения технического прогресса, и значительную часть человечества. А человек тундры и охотник в джунглях без нефти и электричества выживут. Стало быть, кто сильнее?

– Наша цивилизация совершенствовалась, а их – нет!..

– А их достигла совершенства много веков назад! Она развивалась по-другому и в другую сторону. Они все свои интеллектуальные, духовные и физические усилия направили не на то, чтобы переделать природу, а чтобы в нее вписаться. И сумели это сделать!

Лет тридцать назад я прочитал плакат: «Человек шагает по планете – пустыня следует за ним!» К сожалению, не пустыня, а помойка! Пустыня по сравнению с тем, что оставляет после себя человек, – цветущий сад! Современное человечество тонет в собственных отходах. И чем комфортабельнее живет, тем больше грязи оставляет в местах своего обитания. Индеец проходил сквозь лес, как рыба сквозь воду, без следа. И не только индеец. Представители так называемых «примитивных цивилизаций» тысячелетиями жили на своих родных реках и охотничьих ловах, а ни рыба в реке, ни зверь в лесу числом не уменьшались.

– Они – грязнули!

Помните, в одном из рассказов Мопассана молодой парижанин бегал по снегу босиком, поскольку заметил, что ноги у него недостаточно чисты. Вымыть их в тазу не догадался. Было не принято. Это – Европа, Париж, XIX цивилизованный век... А вот жительницы Папуа – Новой Гвинеи – про них ходят упорные слухи, что они все еще людоеды, – ужаснулись, когда увидели, что европейские путешественницы не закапывают за собою экс-

кременты, а в период месячных садятся за общую трапезу вместо того, чтобы носа не высывать из специальной хижины, где должна находиться дама в такие дни. И от европейских духов вроде «Шанель № 5» папуасок тошнило и дурно им делалось. То ли дело настоящие папуасские ароматы! Скажем, их вождь сидел в хижине, где под потолком плавилось тухлое свиное сало и капли падали ему на голову! Вот это запах поистине состоятельного и знатного человека, со вкусом! Это я к тому, что все относительно!

Народы самодийской группы

Продолжим разговор о народах, сохранивших и развивших древнюю культуру собирателей и охотников, прекрасно вписавшихся в природу. Правда, сразу оговорюсь – потомки этих народов, наши современники, живут в условиях нынешней технической цивилизации и без ее достижений так же уязвимы, как и мы с вами. Но наша книга посвящена другому вопросу: почему русские – русские. Вот и продолжим ответ на этот вопрос.

Ненцы, энцы, нганасаны и селькупы объединяются учеными в самодийскую (ранее – самоедскую) группу на основании несомненных черт близости их языков. Эта группа в языковом отношении имеет значительные элементы общности с финно-угорскими народами, что было доказано выдающимся лингвистом М. А. Кастреном в первой половине прошлого века. Прежде назывались эти народы и вся группа самоедскими. Откуда же такое кошмарное название взялось?

НЕНЦЫ

Самоедами называли ненцев. Они же к основе этого названия не имели никакого отношения! Европейцы, в данном случае новгородцы, познакомились с народом саамов. В полном соответствии со славянской грамматикой добавили к этому названию словообразовательный суффикс «ядь», как, например, в слове «челядь». Вот и получился народ «саамоядь». Путаница усилилась, когда саамы откочевали, а на их место пришли ненцы. Им и досталось по наследству это старинное название. Сами себя они называют «ненэц», что, как и самоназвания большинства народов на планете, означает «человек». Есть и еще одно название – «хасава», и тоже переводится как «человек, мужчина» «... ненецкое «ненэй», «ненэцъ» можно толковать не только как «настоящий человек», но и как «серебряный человек», так как «ненэй» означает «серебро», «серебряный». Это толкование заслуживает дальнейшего рассмотрения ввиду несомненных следов значительного влияния древних волго-камских болгар на культуру народов Сибири, тогда как русские и арабоязычные источники Средневековья присваивают этим болгарам имя «Серебряных» («Нукрат»). В этой связи можно вспомнить о названии части мордвы – эрзя, – которая тоже входила в круг влияния Волжской Булгарии и имя которой (эрзя) допускает аналогичное толкование с помощью древнеиранских данных, что также не удивительно ввиду того, что болгарской культуре предшествовали иранские влияния, оставившие в некоторых местах Севера значительные следы, частично именно в виде серебряных вещей. Все это, разумеется, требует дальнейшего обсуждения», – писал профессор-лингвист А. И. Попов. Для нас это важнейшее замечание! Пока мы его только запоем, а обсудим в главе «Слово о серебре», где пойдет речь о великих торговых путях «из варяг в греки» и «из варяг в хазары».

Пережитки родового строя отчасти долго сохранялись у ненцев, в значительной степени отразившись в номенклатуре родовых обозначений... Подлинным самоназванием многих северных народов является словосочетание, имеющее смысл «настоящий человек», куда относится и ненецкий «ненэй», «ненэцъ» и самоназвание «нганасан» (таагийцев) «нгано», «нганасан».

На северо-востоке Европы живет только часть ненцев, остальные ненцы и все другие самодийские народы обитают в Сибири.

Кроме финно-угров, общие с самодийцами черты в языке имеются у юкагиров (одулы, омоки); вероятнее всего, это черты древних неоднократных смешений небольших родо-

вых групп в условиях Севера. Разумеется, почти все следы древних пережиточных явлений настоящего родового строя далеко перекрыты давлением позднейших укладов. В частности, и названия родов переходят сейчас в обычные фамилии: к тому же родовые наименования даже за последние 300 лет претерпели сильные изменения.

ЭНЦЫ

Выражение «эней», «эньэчэ», т. е. «настоящий человек», иногда употребляли тундровые энцы. Так они называли себя и нганасан, т. е. всех тех, кто одевался в ту специфического покроя одежду, которая была свойственна лишь тундровым энцам и нганасанам, причем последние утверждали, что взяли ее у первых. Также нгано-нганасаны («настоящие люди») называли подобным образом лишь себя и тундровых энцев, руководствуясь тем же указанным выше принципом единства одежды и ряда других этнографических особенностей, хотя языки их значительно различались.

Энцы, возможно, угро-финны, принадлежавшие к уральской семье древних народов. «Тундровые энцы называли себя сомату. Ненцы называли их манду (мандо, манту, манто), лесные энцы – маду или мадду. Оба последние названия означали «сваты»... Себя лесные энцы называли или пэ-бай, т. е. лесные баи... или по названиям своих главных крупных родов (фратрий) – Муггади, Бай, Ючи». Не останавливаясь на подробностях этого рода, укажем лишь на два-три обстоятельства.

Первое состоит в том, что энецкое родовое (фратриальное) имя Муггади есть не что иное, как слово «лесной» (mogga, mugga – лес); именно это родовое название дало (в форме Монганди) повод к наименованию знаменитого в истории Сибири города – Мангазея. Название тундровых энцев – сомату – естественно сблизить с именами Самоядь и самоназванием саамов.

НГАНАСАНЫ (ТАВГИЙЦЫ)

Нганасан означает, естественно, «человек» и на этом основании принято за название данной племенной группы в научном обиходе; настоящим самоназванием авамских нганасан служит «ня», другую же группу (вадеевских нганасан) они называют «ася».

Нет сомнения в том, что «ня» означает то же, что нганасанское и юрак-самодийское (ненецкое) «старший брат», «товарищ», тогда как «ася» может значить «младший брат» и «тунгус» (эвен или эвенк); последнее (ася) есть не что иное, как Асицкий род самоедов XVII в., неоднократно указываемый источниками. Ганасаны выступают также в этих источниках под названием Тавгитского рода (тавгийцы). Следует отметить еще раз, что перемешанность (и притом неоднократная) самодийских групп чрезвычайно велика. При этом надо вспомнить еще и крайнюю малочисленность некоторых из этих групп. Так, например, известный этнограф А. И. Попов кочевал по тундре долгое время с нганасанами и нашел их в общей сложности (в начале 40-х годов) 699 человек; энцев – еще меньше (примерно в два раза).

СЕЛЬКУПЫ

Так называемые остяко-самоеды. Селькуп не является общим самоназванием всех представителей этой группы, употребляется оно тазовскими и баиховскими остяко-самоедами, притом не с одинаковым значением («таежный человек» и «земляной человек»), ввиду некоторого различия в произношении имени. Заметим, что в некоторых говорах селькупского языка «qum» (в других – «qur») значит «человек» (вторая часть имени селькуп), что довольно основательно сблизжает с «манси хум» – «мужчина» и с самоназванием коми. Точно так же указанное выше одно из названий тундровых энцев (маду и т. п.) сблизжалось с именем манси, с названием одной из хантыйских фратрий (мось), с национальным именем мадьяр; трудно судить, насколько все это правомерно, хотя возможность подобных сопостав-

лений полностью не исключена. Кроме указанных основных самодийских групп до недавнего времени существовали и другие: камасинцы, моторцы.

«...Изучение родовых и племенных названий мелких этнических коллективов, подобных самодийским и некоторым финно-угорским (саамы, манси, ханты), разбросанных на огромных протяжениях северных тундр и лесов, является важным вспомогательным средством изучения процессов тех изменений в различных языках, которые возникают в этих случаях в силу многочисленных схождения и расхождений в специфической северной обстановке. Повторяем, это только вспомогательное средство; оно должно использоваться на фоне общего изучения всего языкового богатства северных народов в соединении с данными истории, археологии, этнографии и наиболее достоверными из антропологических показателей.

Речь должна идти об очень сложной и запутанной действительной истории небольших, маломощных человеческих объединений, почти постоянно передвигающихся, часто сливающихся и расходящихся, входящих в контакты с новыми и новыми партнерами, в некоторых случаях исчезающих почти бесследно, в других – оставляющих другому, более сильному коллективу некоторое наследство своей лексики и грамматики. Эта картина значительно отличается от того, что происходило в южных степных областях, где уже давно создавались крупные человеческие объединения, обладавшие совершенно иными качествами (иранские племена, тюрки, монголы). История их была иной» (А. И. Попов).

С этими названиями народов просто беда. Скажем, «чукча» на языке коми означает «глухарь», «не понимающий речи», сами же чукчи называют себя «луораветлан» – «настоящий человек». Да что далеко ходить! По-цыгански самоназвание «ромале» – «люди», «ром» – «мужчина», «человек», а слово «цыган» звучит как злая насмешка – «счастливчик»! Точно так же слово «калмык» в переводе означает «бродяга» вместо уважительного «чечмек» – «человек», «степняк» – или «ойрат» – опять-таки «человек». А слово «чолдон» вовсе не аббревиатура «человек с Дона», как, не без остроумия, придумали сибирские казаки, а самоназвание части якутов.

Золотые имена

ПОПОВ Александр Иванович

(17. V. 1899, Петербург – 1. III. 1973, Ленинград) – лингвист и историк, доктор исторических наук, профессор. Окончил физико-математический факультет Петроградского университета (1922), преподавал в школе, работал в ряде научных учреждений Москвы и Ленинграда. В 1938 г. по совокупности опубликованных работ ему была присвоена ученая степень кандидата физико-математических наук. Параллельно с занятиями математикой и физикой интересовался историей и филологией и еще в 1930 г. был избран членом Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей и Общества древней письменности и искусства.

В 1945 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Исследования по исторической географии и топонимике Восточной Европы», а в 1947-м – докторскую диссертацию «Из истории финно-угорских народностей СССР». В эти годы Попов работал в Восточном институте ЛГУ, а в 1949 г. возглавил кафедру и был утвержден в должности профессора по специальности «финно-угорская филология». В 1955 г. Попов был избран членом-корреспондентом Финно-угорского общества (Финляндия), а с 1956 г., до ухода на пенсию в 1969 г., был профессором философского факультета ЛГУ. Попову принадлежит более 100 опубликованных работ, причем круг его интересов был очень широк: математика, логика, топонимика, этнонимика, лексикология и т. д.

«Два Кольки, три Наташки...»

В студенческие каникулы зашибал я «длинную деньгу» в геологических партиях – рабочим. Летом работал – зимой учился. Облазил Заполярье – тайгу и тундру. И повидал

я разных самодийцев. И должен сказать, до сих пор это одно из самых драгоценных моих воспоминаний.

Разумеется, они уже сильно отличались от воспетого Арсеньевым лесного человека Дерсу Узала, цивилизация и родная советская власть упорно и последовательно превращали их в «советян», но многие черты «отсталости», как это в те года называлось, они еще, слава богу, сохраняли, и мне довелось их увидеть.

Я собрался на почту, за семь километров в соседний поселок. Узнав об этом, наш проводник, из местных, сказал: «Тебя в тайге искать – люди нету. Кольку возьми. Колька дорогу покажет». Шестилетний «Колька» по имени Альберт шурил глазенки-щелочки в щеточках черных ресниц и улыбался щербатым ртом – менялись зубы. Я не знаю, что заставляло его непрерывно улыбаться: может быть, моя огромная по сравнению с ним фигура, нелепые сапожищи, вся брезентовая и стеганая одежда (главной задачей ее было спасать меня от комаров, «Кольку» почему-то они не кусали), может быть, радость от того, что он бежит вприпрыжку по тайге, по едва заметной тропке, а может, из вежливости...

В тот год шло переселение белок. Такие периоды в тайге бывают. Белки перескакивали через тропу, пролетали молниями с дерева на дерево над нашими головами. Первый раз я ахнул и удивился, когда «Колька»-Альберт швырнул камушек и под ноги ему свалилась первая белка. Я решил, что это фантастическая случайность. Но минут через двадцать он подбил тем же способом еще одну.

Пока я сидел на почте, получая письма на всю экспедицию, пока читал свои письма, прошло около часа, и когда я вышел на крыльцо, то увидел, что Альберт сидит у крошечного костерка и жарит выпотрошенных и разделанных белок, а снятые с них шкурки аккуратно растянуты на обручах, сплетенных из ивовых прутьев. Решив, что мясо готово, мальчишка щедро протянул мне жареную белку. Вкусно!

На обратном пути, когда белки буквально валились нам на голову, – но сколько ни швырял я в них камни, так и не попал, – я спросил, почему Альберт не охотится.

– Еще есть хотите? – ответил он вопросом.

– Да нет, я сыт. Но охота какая замечательная... Вон сколько белок.

– Нельзя, – ответил мальчишка. – Мамка заругат. Белка плохой – линят. Шкурка плохой.

– А что ж ты эти не выбросил?

– Пригодится куда-нибудь.

Я, разумеется, слышал о том, как таежные охотники «белку в глазок стреляют», но никогда не видел, как они вообще стреляют. Стреляли приезжие охотники. Местные ходили на охоту, как наши дачники в огород, точно зная, где что возьмут.

Присмотревшись к их жизни, я понял, что тайга разделена на охотничьи уголья и вся буквально нафарширована всякими силками, петлями, ловушками, западнями, давилками, ловчими ямами. Охотники ходили собирать пойманную дичь. Я поражался их умению делать орудия охоты из всего, что попадало под руки. Например, «курапатку брали на бутылку». В поллитровку наливали горячей воды и, не удаляясь от балка, где жили, в радиусе не дальше ста метров делали в сугробах лунки, как раз на глубину бутылки. Вокруг горячей бутылки снег моментально обтаивал и тут же замерзал, превращаясь в ледяной стакан. На дно этого стакана бросалась приманка – две-три ягодки. На следующий день охотник проверял лунки и почти из каждой вытаскивал торчащую хвостом вверх замерзшую куропатку. Час – полмешка! Кто бы мог подумать, что вокруг их столько! А я стрелял-стрелял в белую птицу на белом снегу из мелкашки – так и не попал...

Меня потрясал совершенно иной, странный для европейца стереотип мышления и поведения. Когда мы покидали стойбище, все его население – пятеро взрослых, два «Кольки» и три «Наташки» дошкольного возраста (школьников уже уволокли в интернат, в

поселок) – выстроилось против нас и, по обычаю, высказало прямо в глаза все, что о нас думает.

– Ты, Иваныч, хороший человек, живи с нами... Охота – сюда ходи. Рыбалка – сюда ходи. Ягоды грести ходи. Потеряешься – все искать пойдем. А ты, Пашка, шибко худой человек! Пусть издох, как собака, – совсем не жалко...

Когда наш вертолет поднялся и стал удаляться от трех конусов чумов, затерянных среди бескрайней тундры, два «Кольки» и три «Наташки» в окружении десятка собак яростно махали нам, пока не превратились сначала в меховые комочки, а потом не слились в одно рыже-коричневое пространство тундры под белесыми осенними небесами.

Только не нужно представлять этот, может быть, древнейший на планете, мир охотников и собирателей как существующую вне времени и пространства гармонию. Нет этого! Тридцать лет назад я видел семью манси, горько рыдавшую на берегу родовой реки, где сплошным радужным пятном плыла нефть. Так плакали мои дедушка и бабушка, когда градом выбило наш родовой виноградник – жалкий обломок когда-то знаменитых казачьих виноградных плантаций.

В 1998 году, после сокрушившего постсоветскую экономику дефолта, служа в Республике Коми, я увидел современных «лишних людей». Они пришли из тундры в Воркуту и поставили чумы на центральной площади. Крошечные люди, без возраста, фамилий и документов, изъеденные трахомой и туберкулезом. Пришли, чтобы спасти умирающих от голода детей: их тут же забрали в интернаты, отмыли от коросты, вшей, одели, обули, накормили.

Казалось бы, как их-то мог задеть финансовый кризис? Ан вот мог! Дефолт остановил геологоразведку и нефтедобычу, а эти потомки охотников и оленеводов, отученные и от одного, и от другого, давно жили нищенством около нефтеразработок...

Видел я и других. Оторванные в раннем детском возрасте, выросшие в интернатах-инкубаторах, утратившие все навыки своих предков, искусственно сохраняемые как представители малых народов (улучшенное содержание, повышенная стипендия, отсутствие любой конкуренции – как же, национальный кадр!), они возвращаются из московских и питерских институтов с затаенным чувством неполноценности, перерастающим в оголтелый национализм, и лютой ненавистью к своим «благодетелям», от которых теперь полностью зависят, чужие в своей тундре и тайге...

«Человек шагает по планете – пустыня следует за ним!» Это сказано и о человеческой душе.

Никогда я не поверю, что это естественный конец цивилизации охотников и собирателей. Никогда! А если так – будьте вы прокляты со всеми вашими вездеходами и бульдозерами, нефтяными вышками и нефтепроводами, урановыми рудниками и ядерными испытаниями!

«По ком звонит колокол? Он звонит по тебе!» И по каждому из нас, как бы цивилизованно и комфортабельно мы ни жили. И по мне! Ведь это и я таскался с рейкой и теодолитом по тундре, не ведая, что творю! «Таково веяние времени! Таковы шаги цивилизации». Но я вспоминаю стриженных наголо умственно отсталых детишек-дистрофиков в интернате Воркуты, я вспоминаю тысячи километров изуродованной тундры и выгоревшей тайги, всю планету, где нет места диким животным и людям других цивилизаций, чья вина в том, что они жили не так, как мы, что они другие! И могу только крикнуть: «Господи, что мы наделали! Господи! Буде милостив к нам, грешным!»

Когда-то сказали половцы, ища помощи у киевских князей: «И вас не минует! Сначала мы, а потом и вы...» Не миновало! Рухнул хрупкий мир северных народов России, а теперь погибает, казалось бы незыблемый, мир русской деревни. Сколько усилий потрачено, чтобы его сокрушить, – удалось! Дотлевет крестьянство. Дотлевет еще одна цивилизация и многие, вместе с ней, народы. Иллюзия, что на смену потерянными цивилизациям идут

новые! Это не смена, это уничтожение. И что, теряя «лишних людей», остальное человечество модернизируется – вранье! С потерей каждого человека, да что там человека – каждого слова, все человечество оскудевает. И оскудение это все ощутимее...

Только беспредельным милосердием Господним объясняется наше нынешнее существование. Но как я в стихах прочитал: «Чаша-то полнится, полнится... И никого не пройдет!» Страшись, мир, машинной цивилизации! «Помни День судный» – ты еще уязвимей!

Прародина славян

Славянские народы принадлежат к древнему индоевропейскому единству, включающему такие народы, как германские, балтийские (литовско-латышские), романские, греческие, кельтские, иранские, индийские (арийские) и другие, освоившие в древности огромные пространства от Атлантического океана до Индийского и от Ледовитого океана до Средиземного моря. Четыре-пять тысяч лет тому назад индоевропейцы занимали еще не всю Европу и не заселили еще Индостан; приблизительным центром образования первоначального индоевропейского массива была северо-восточная часть Балканского полуострова и Малая Азия.

«Те племена, из которых путем постепенной консолидации образовались «праславяне», обитали почти на краю индоевропейских пространств, севернее горного барьера, который отделяет Южную Европу от Северной и тянется от Альп на восток, завершаясь на востоке Карпатами.

Когда мы говорим о происхождении того или иного народа, то сталкиваемся с целым рядом предположений, легенд, гипотез. Отдаленный во времени медленный процесс протекал почти неуловимо для нас. Но некоторые вопросы все же необходимо поставить: первый – происходило ли формирование народа путем размножения и расселения одного племени из какого-то незначительного пространства или же народ формировался путем сближения родственных соседних племен? Второй вопрос: какие общие (в данном случае – общеевропейские) события могли стимулировать обособление ряда племен от общеиндоевропейского массива и их консолидацию в больших масштабах?

На первый вопрос следует ответить, что главной образующей силой была стихийная интеграция более или менее родственных племен. Но, разумеется, имело место и естественное размножение, филиация племен и колонизация новых пространств. Филиация племен уплотняла этнический массив, заполняла промежутки между старыми «материнскими» племенами и, конечно, содействовала упрочению этого массива, но не размножение одного-единственного племени создавало народ.

С общеевропейскими событиями дело обстояло так: на рубеже III и II тыс. до н. э. в северной половине Европы (от Рейна до Днепра) усиливается скотоводческое пастушеское хозяйство, быстро возникает имущественное и социальное неравенство. Крупный рогатый скот становится символом богатства (в старом русском языке «скотница» – казна), а легкость отчуждения стад ведет к войнам и неравенству племен и их вождей. Первобытное равенство нарушилось. Открытие меди и бронзы привело к межплеменной торговле, которая усилила внутренние процессы дифференциации. Археологически эта эпоха обозначена «культурой шаровых амфор», резко отличающейся от предшествующих, более примитивных культур. Начавшаяся повсеместно борьба за стада и пастбища привела к широчайшему расселению пастушеских племен («культура шнуровой керамики») не только по Центральной, но и по Восточной Европе вплоть до Средней Волги. Все это происходило с предками балтов, славян и германцев. Расселение велось отдельными, самостоятельно действующими племенами. Об этом можно судить по необычайной пестроте и чересполосности скотоводческой терминологии в Восточной Европе.

В момент расселения – первая половина XI тыс. – еще не было ни славянской, ни германской, ни балтской общности; все племена перемешивались и меняли соседей в процессе медлительного движения. Примерно к XV веку до н. э. расселение прекратилось. Вся

зона европейских лиственных лесов и лесостепей была занята разными по месту прежнего жительства индоевропейскими племенами. Началась новая, уже оседлая жизнь, и постепенно на первое место в хозяйстве стало выходить земледелие. В новом географическом раскладе новые соседи стали налаживать связи, выравнивать особенности племенных диалектов и создавать впервые на большом пространстве новые, родственные друг другу языки: в западной части получивший название германского, в срединной части – славянского, а в северо-восточной – латышско-литовского. Названия народов появились позднее и не связаны с этой эпохой первичной консолидации родственных племен вокруг трех разных центров: западного (германского), восточного (балтского) и срединного (славянского)» (Б. А. Рыбаков. «Начальные века русской истории».)

Возникают вопросы: откуда же все это известно и почему ученые считают возможным так уверенно высказывать свои предположения?

Разумеется, огромную роль играют археологические раскопки, но все-таки первое место, как это ни удивительно, принадлежит лингвистике – то есть языкознанию. Именно лингвисты определили, что праславянские племена отделились от родственных им соседних индоевропейских племен примерно 4000–3500 лет назад, в начале или в середине II тыс. до н. э. При исследовании славянских языков было установлено, что соседями славян из индоевропейских народов были германцы, балтийцы, иранцы, дако-фракийцы, иллирийцы, италики и кельты

Великий ученый, академик А. А. Шахматов, исследуя историю русского языка и его диалекты, пришел к выводу, что первой родиной сформировавшегося славянства, самой древней, изначальной, был бассейн Западной Двины. Затем – Повисленье, откуда в III–II вв. до н. э. ушли бастарны и куда через четыреста лет придут готы. Здесь – второй, более поздний, центр начала расселения славянской общности: верховья Вислы, берега Тиссы и склоны Карпат. Это нынешние Восточная Венгрия и Южная Польша. Судя по общим всем славянским народам обозначениям элементов ландшафта, славяне проживали в зоне лиственных лесов и лесостепи, где есть поляны, озера, болота, но нет моря; где холмы, овраги, водоразделы, но нет высоких гор. Однако природные зоны, отвечающие этим лингвистическим определениям, размещены в Европе шире, чем можно предполагать славянскую прародину; праславяне занимали лишь часть такого пространства, которое отразилось в их древних наречиях. Значит, они двигались, переселялись! Современные исследования подтвердили догадку Шахматова. Польский археолог Стефан Носек, сторонник висло – одерского варианта, «автохтонист», считавший, что славяне автохтонны (то есть коренное население, «первопоселенцы») на территории Польши, предложил обратиться к археологическим материалам того времени, когда праславяне, по данным лингвистов, отделились от индоевропейских соседей. К это – му времени относится так называемая тшинецкая культура XV–XII вв. до н. э. Она хорошо известна на территории Польши между Вислой и Одером. Но вскоре выяснилось, благодаря работам другого польского археолога, Александра Гардавского, и работам ряда украинских археологов, что тшинецкая культура распространяется и на пространство восточнее Вислы, вплоть до Днепра. Так работами археологов подтвердились догадки лингвистов.

«Прародину славян в расцвет бронзового века следует размещать в широкой полосе Центральной и Восточной Европы. Эта полоса протяженностью с севера на юг около 400 километров, а с запада на восток около полутора тысяч километров располагалась так: ее западная половина подпиралась с юга европейскими горами (Судетами, Татрами, Карпатами), а на севере доходила почти до Балтийского моря. Восточная половина праславянской земли ограничивалась с севера Припятью, с юга верховьями Днестра и Южного Буга и бас-

сейном Роси. Восточные границы менее ясны: тшинецкая культура здесь охватывала Средний Днепр и низовья Десны и Сейма.

Жили славяне небольшими деревнями, расположенными в два порядка. Хозяйство велось на основе четырех отраслей: земледелия, скотоводства, рыболовства и охоты. Орудия труда – топоры, ножи, серпы – делались еще из камня. Бронза применялась главным образом для украшений, а из хозяйственного инвентаря только для долот, нужных в деревянном строительстве.

Погребальный обряд был связан с идеей переселения душ: телам умерших придавали позу эмбриона, как бы подготавливая покойника ко второму рождению. Социальные различия не прослеживаются.

Наиболее богатым районом (его иногда выделяют в особую, комаровскую, культуру) были земли в Прикарпатье, где имелись залежи соли, высоко ценившейся в первобытную эпоху. Археологические памятники тшинецко-комаровской культуры образуют несколько отдельных скоплений, которые, возможно, являлись землями союзов соседствующих друг с другом славянских племен.

Славянские союзы племен известны нам по Нестору; те «племена», которые он упоминает в своей «Повести», как показали советские ученые (П. Н. Третьяков), являются не первичными племенами, а союзами нескольких безымянных племен: Поляне, Радимичи, Висляне и др.

Необходимо отметить, что написание названий этих союзов племен резко различается по географическому принципу: все союзы племен в пределах очерченной выше прародины обозначены или именами типа «Поляне», «Мазовшане», или же архаичными именами вроде «Хорваты», «Дулебы», «Север». Патронимических названий на территории прародины нет» (Б. А. Рыбаков).

«Патронимических» – то есть названных именем покровителя, «патрона». Учеными доказано, что такие названия – скорее всего, происходящие от имен вождей, тех, кто повел часть своих племен на новую родину, – встречаются не в районах, так сказать, материнской культуры, а во вновь заселенных «колонизированных землях». Скажем, «Радимичи» – по имени Радима или подвластные Радиму, «Вятичи» – по имени легендарного вождя «Вятко». По названиям племен, полностью подтвержденных археологическими раскопками, точно устанавливается прародина славян, совпадающая с находками, относящимися к тшинецкой культуре XV – XII вв. до н. э.

«На протяжении II–I тыс. до н. э. этническая картина Европы менялась не только в связи с колонизацией славян или кельтов (двигавшихся с запада на юго-восток), но и в связи с созданием новых центров притяжения. Праславяне двигались с территории прародины в Причерноморье, населенное скифами, – народом индо-иранской языковой группы, и на южное побережье Балтики, где возникла новая славянская общность, археологически подтверждаемая так называемой лужицкой культурой. Но здесь, вероятно, были очень сильны межплеменные контакты с кельтами, поселившимися в этом районе раньше.

Вполне возможно, что именно эта общность получила в то время название «венеты», или «венеды», которое первоначально обозначало конгломерат разноязычных племен, живших интенсивной общей исторической жизнью, а в дальнейшем (примерно к рубежу нашей эры), когда кельтские и германские окраинные племена лужицкой культуры вошли в больший контакт со своими основными сородичами, наименование «венеты – венеды» сохранилось за западнославянскими племенами. У древних писателей (Плиния, Тацита) именем венедов называются славянские племена» (Б. А. Рыбаков).

А почему они так назывались? Скорее всего, это не самоназвание. Так называли этих славян соседи. Например, по-эстонски русские зовутся «вене». Это не что иное, как запечатленный в эстонском языке след венедов, соседствовавших когда-то с предками эстонцев.

Название «венеты» зафиксировали греки и отнесли его к названию славян. Хотя венетами, каких они знали, были иллирийцы (не славяне), их имя звучит в названии Венеции. В молдавском языке есть слово «венеты», что означает «не коренной», «не местный», «пришелец», но так предки молдаван и румын звали опять-таки иллирийцев. А они уж совсем не славяне, скорее предки албанцев. В немецких топонимах – географических названиях – перед названиями некоторых деревень стоит слово «Вендих», и это означает, что здесь жили прежде славяне, онемеченные, в том числе, совсем в недавнее время. Возможно, это название пришло из древнего кельтского языка, потому что встречается в архаичных кельтских названиях, но там часто совсем не имеет никакого отношения к славянам.

Золотые имена

ШАХМАТОВ Алексей Александрович

[5 (17). 6. 1864, Нарва, – 16. 8. 1920, Петроград], русский языковед, исследователь русского летописания, академик Петербургской АН (1894).

Окончил Московский ун-т (1887), приват-доцент там же (1890). Профессор Петербургского университета (с 1910 г.), председатель Отделения русского языка и словесности АН (1906–1920).

Шахматов – основоположник истории изучения русского литературного языка; изучал проблему образования русской народности и славянского этногенеза, вопросы прародины и праязыка. Проследил историю древнерусского летописания XI–XVI вв. В области летописания впервые применил сравнительно-исторический метод. Заложил основы текстологического изучения летописей и текстологии как науки. Широко используя диалектные данные для интерпретации письменных источников, Шахматов обратил внимание на древние орфографические системы, мешавшие отражению на письме особенностей живой речи.

Изучал современные олонецкие, калужские и рязанские говоры, создал программы изучения говоров, обрабатывал и печатал многочисленные ответы на них. Исследовал славянскую акцентологию, вопросы сравнительной фонетики и грамматики славянских языков, древние и современные индоевропейские языки, финские и мордовские языки; разработал историческую морфологию русского языка. Его учение о грамматических формах слов, частях речи, словосочетаниях, типах предложения, соотношении морфологии и синтаксиса – важный вклад в теоретическое языкознание. Шахматов – редактор выпусков академического «Словаря русского языка» (1891–1916).

Под руководством Шахматова Отделение русского языка и словесности АН стало центром филологии в России. Им было организовано изучение многих памятников письменности, современных диалектов, составление словарей, подготовка многотомной «Энциклопедии славянской филологии»; возобновлено издание «Полного собрания русских летописей». Организовал издание серии памятников старославянского и русского языков, мировой литературы, сыграл большую роль в реформе русского правописания.

Корнелий Тацит

Наиболее древние и сравнительно подробные упоминания о славянах содержатся у римского писателя Корнелия Тацита; Тацит называет их «венеды» («венеты»), пользуясь германским обозначением славян. Сообщение очень коротко: «Что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам или к сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, живут как германцы, будучи похожи на них языком, образом жизни, жилищем, – грязь у всех, праздность среди знати. Благодаря смешанным бракам они в значительной степени обезобразились наподобие сарматов. Венеды многое заимствовали из нравов последних (т. е. сарматов. – Б.А.), так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и горы между певкинами и феннами. Однако их следует причислить скорее к германцам, ввиду того, что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить, и даже быстро, – все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке

и на коне». Но сарматы, как фенны и венеда, – современники Тацита, это I в. н. э. Мы же говорим о временах гораздо более ранних. О них свидетельствуют раскопки, о них говорит Шахматов. Но как они себя сами именовали? Непонятно. Слишком далеко они и от нас, и от тогдашних цивилизаций, где уже существовала письменность.

Ясно одно: возникшая большая пра-праславянская общность родиной своей имела тот район, о каком догадался Шахматов (его гениальную догадку подтвердили современные археологи), – Привисленье, между Одером и Вислой.

Тацит пишет о народе или народах, что как единая общность существуют уже более тысячи лет. О тех временах, когда еще сарматы не пришли в Причерноморье и не встретились со славянами. С германцами и феннами, равно как и с древними балтами, праславяне соседствовали с глубочайшей древности, т. е. уже в те давние времена. Причем с древними германцами их даже позднейшие греческие и римские историки путали, так похожи были они и по культуре, и по внешности.

«Славянизм венеда, как и принадлежность феннов Тацита к финно-угорской группе, не вызывает никаких сомнений. Во времена Тацита славяне-венеда занимали огромные пространства, соприкасаясь теперь с одной стороны с сарматами, т. е. выходя в степную южную полосу Восточной Европы, а с другой – с феннами, т. е. с обитателями лесного Севера.

Важно указание и на соседство с певкинами – бастарнами, помещавшимися на Нижнем Дунае; это показывает, что славяне проникали к Дунаю уже в то раннее время. Этим объясняются и слова нашего летописца, жившего на тысячу лет позже Тацита, о пребывании славянства на этой реке: «По мнозех же временех селе суть Словене по Дунаеви...», это же лежит в основе необычайной популярности имени Дунай в славянском фольклоре. Но, разумеется, Дунай вовсе не был «прародиной» славянства и не все славянство обитало там в I в. н. э., о чем свидетельствуют и сообщения Тацита, и более поздние данные (Птолемей, II в. н. э.). Однако значительная часть славянства была притянута к границам Римской империи (провинция Дакия) в первые века н. э., откуда потом и произошло заметное дальнейшее расселение, более или менее закончившееся лишь после завершения эпохи великого переселения народов» (Б. А. Рыбаков).

Так или иначе, но какая-то часть славян имела – может быть, только в устах их соседей – наименование «венеда». А как они сами себя называли? Лужицкие славяне, живущие на Эльбе, в самом центре современной Германии, до сих пор называют себя «сорбы». Это слово близко славянскому самоназванию «сербы», а оно, в свою очередь, может быть близко славянскому слову «сябры» – соседи, товарищи, друзья. У запорожских и кубанских казаков бытовало понятие «сербо» – дружеская, боевая ватага молодых казаков, небольшое воинское подразделение «молодиков». Греческие историки зафиксировали и еще два названия, существовавшие в Поднепровье, – «сколоты» и «склавины» – может быть, из этих названий-имен и возникло наименование «славяне».

А вот третье наименование – «анты» – относилось к славянам, поселившимся в Причерноморье и вообще на юге. Дали его славянам, наверное, тюрки. Это название и очень позднее, и существовало всего 80 лет. С 550 по 630 г. н. э. Позже не встречается. Но мы забегаем вперед до аваров и антов больше двух тысяч лет. Мы еще в начале бронзового века. В середине II тыс. до н. э., во времена, когда сложились основные языковые группы индоевропейцев, когда славяне жили между германскими – с запада и балтийскими – с северо-востока – племенами.

Сформировавшиеся в это же время племена древних германцев стремительно заселяли Скандинавию, воевали или частично смешивались с кельтами. А древние балты, предки пруссов, латышей, литовцев, расселились от Балтики до нынешней Пензы и чуть ли не до Москвы, гранича на севере и востоке с финно-уграми, на западе и юге со славянами.

«Присмотримся к тому, что происходило в восточной половине славянского мира. Еще до появления скифов-иранцев в степях Восточной Европы здесь, на краю степи, в удобной для земледелия лесостепной зоне, защищенной от степняков островами лесных массивов, на старой территории тшинецкой праславянской культуры, местное славянское население прогрессивно развивается. На рубеже II и I тыс. до н. э. появляется плужное земледелие, резко поднявшее всю систему хозяйства и позволившее к VI–V векам до н. э. перейти к систематическому экспорту хлеба в Грецию через черноморский порт Ольвию, который греки называли «Торжищем Борисфенитов» («Днепрян»).

Археологическим соответствием среднеднепровскому славянству в эпоху этого подъема является так называемая чернолесская культура рубежа бронзового и железного веков. Ее славянский характер непреложно следует из работ известного лингвиста О. Н. Трубачева: составленная Трубачевым карта архаичных славянских названий рек во всех деталях совпадает с областью чернолесской культуры.

Вторым и чрезвычайно важным элементом прогресса было открытие железа. Если в бронзовом веке племена, не располагавшие залежами меди и олова, вынуждены были привозить металл издалека, то с открытием железа они необычайно обогатились, так как тогда использовалась болотная и озерная руда, имевшаяся в изобилии во всех славянских землях с их многочисленными болотами, речками и озерами. По существу, славяне перешли в железный век из каменного.

Перелом был весьма значителен. Он отразился и в древнем славянском эпосе о богатырях-кузнецах, кующих гигантский плуг в 40 пудов и побеждающих зловредного Змея, нападающего на славян» (Б. А. Рыбаков).

Теперь немножечко передохнем, подведем некоторые итоги и попробуем сделать исторический срез того времени, когда праславяне столкнулись с киммерийцами и оставили о себе память легендарными Змиевыми валами, кои уже во времена Киевской Руси считались безумной древностью, и мало кто догадывался, что это такое и кем создано. Датировка этих валов неясна; они могли достраиваться и возникать вновь во все то долгое время, когда пахарям приходилось обороняться от степняков-кочевников и в глубокой древности, и в Средние века. Об этих валах тоже сохранились эпические предания, весьма архаичные по форме: главным героем их является не богатырь-воин, как в позднейшем эпосе, а богатырь-кузнец, тот, что выковал сорокапудовый плуг и научил людей пахать им землю. Волшебный кузнец не разрубает Змея мечом, как средневековый богатырь, а своими кузнечными клещами захватывает его, запрягает в сказочный плуг и пропахивает гигантские борозды – Змиевы валы, что тянутся «аж до Киева».

Змиевы валы и киммерийцы

Если верить самым ранним датировкам, какими исследователи исчисляют начало строительства Змиевых валов, то создатели этого грандиозного оборонительного сооружения – современники Гомера (ок. 800 г. до н. э.) или этрусков, что приблизительно в 900–850 гг. до н. э. обосновались в Северной Италии.

В 926 г. до н. э. Израиль разделился на Израиль и Иудею. В 814 г. финикийская царевна Элисса из Тира основала в Северной Африке Карфаген, в 776 г. прошли первые Олимпийские игры в Древней Греции, 753 г. – дата основания Рима... Многие события указываются с точностью до года. Можно, конечно, усомниться, резво перебросить тысячу лет туда, тысячу сюда, но все-таки лучше сильно-то не сомневаться. Слишком многое совпадает. А вот такое грандиозное событие и сооружение – Змиевы валы – даже не упоминалось в истории Европы! Почему? Потому что находились они на краю Ойкумены – то есть пространства, известного так называемым цивилизованным народам. («Ойкумена», «окаем» – слова родственные слову «око» – то есть то, что охватывает глаз. Наши земли, стало быть, глаз не охватывал только по одной простой причине – эти земли не входили в историческое про-

странство, такое, о каком сохранились письменные источники, не входили в сферу интересов народов, умеющих писать.)

«Просто обидно, честное слово! Обидно! Да?» – как говорил один из героев кинокомедии «Кавказская пленница» товарищ Саахов. Однако отсутствие письменных известий не означает, что их нет вообще. Есть вести! И очень скоро жители этих мест постучат мечами в двери цивилизованного европейского и азиатского миров.

Но продолжим наш календарь знаменательных дат и выделим из огромного множества одну. В 800 г. в Индии возник индуизм, в 835 г. армянский правитель Сардури на берегах озера Ван основал царство Урарту, тогда же возникло Мидийское царство и т. д. Около 911 г. до н. э. возникает Новое Ассирийское царство. Просуществует оно до 609 г., когда объединившиеся против «ужаса вселенной» – Ассирии – Мидийское и Вавилонское государства сокрушат грозную, считавшуюся непобедимой твердыню. Но потерей своего могущества Ассирия во многом обязана киммерийцам.

Киммерийцами называли их греки; имя этой племенной группы известно по ассирийским клинописным источникам, называвшим их Гимирраи, или Гимирри. Это племенное название нашло свое отражение в древнерусском термине «коумирь», «коумирь» – кумир, истукан, идол; осетинск. «gumiru», «gumeri», «gaumeri» – великан, идол; грузинск. «gmiri» – богатырь, герой, исполин.

Это один из образцов нередко встречающегося явления, когда собственное имя древнего племени постепенно обращается в разных языках в обозначение гиганта, исполина. Сведений о языке киммерийцев мы не имеем; отдельные дошедшие до нас личные имена киммерийских вождей имеют отчетливо выраженный индо-иранский характер.

Киммерийцы кочевали и господствовали в Северном Причерноморье и, что называется, «трясли» всю Малую Азию без малого четыреста лет, пока, наконец, отчасти соединившись со скифами, отчасти будучи ими покорены, в 640-х гг. не разгромили и Ассирию, и все страны до границ Египта. Египет оказался им «не по зубам»... а также славяне!

Есть много известий о том, что киммерийцы нападали на славянские области Среднего Приднепровья, доходили до низовьев Дуная, но на север так и не прорвались. Как несокрушим оказался для них четыреста лет спустя Египет, так в IX–VIII вв. до н. э. не смогли они прорваться через Змиевы валы. Так называлась цепь невысоких холмов на юге Украины. В устной традиции о них говорилось как о древних укреплениях, и в который раз исследователи убедились в правоте преданий. Кое-где уцелевшие Змиевы валы оказались искусственным фортификационным сооружением, а не естественной грядой возвышенностей.

Это поистине грандиозное сооружение можно сравнивать и с Великой Китайской стеной, и с пирамидами. Тянутся они с востока на запад по меньшей мере на 900 километров. Это рвы и насыпные валы высотой от 15 до 30 метров. Кроме того, во многих, вероятно особо опасных, местах глинобитные стены заваливались лесом и поджигались, таким образом глина спекалась в огромный кирпич, превращалась в камень. Как подсчитали инженеры, для строительства одного километра таких валов требовался труд от 20 до 100 тысяч человек в течение месяца. Организовать такое строительство могла только очень мощная и обильная населением держава. И она существовала! И была она славянской! Но мы про нее очень мало знаем. Слишком давние это времена, и слишком далеко отстояла эта страна от привычных дорог средиземноморских цивилизаций.

Однако, как пишет Б. А. Рыбаков, «под эпическим образом Змея подразумевались кочевники-киммерийцы X–VIII вв. до н. э., нападавшие на славянские области Среднего Поднепровья. Киммерийцы были воинственными племенами, наводившими страх на различные народы и государства от Ближнего Востока до низовий Дуная. Обороняясь от них, славяне приобщились к событиям мировой истории. Вплоть до наших дней по берегам рек, впадающих в Днепр, сохранились остатки древних огромных крепостей предскифского вре-

мени, в которых славяне со своим имуществом и стадами могли оборониться во время наездов киммерийского «Змея».

Мне кажется, было и еще два обстоятельства, позволивших славянам отбиться на валах против наседавших киммерийцев.

Первое: славяне были весьма скудны бронзой. Потому и использовали ее чаще всего для украшений. Не было на славянских землях ни меди, ни олова для изготовления волшебного сплава. Потому и вынуждены были они откатываться от очередных «пышнопоножных мужей» в бронзовых доспехах со своими дубинами, копьями с каменными наконечниками и костяными наконечниками стрел. И вдруг все меняется. Прямо из каменного века, почти минуя бронзовый, славяне перепрыгивают в век железный. Открытие болотной руды, из какой научились выплавлять железо, по всем показателям превосходящее бронзу, – при том, что его было в болотах полным-полно! – сделало славян и другие северные (по отношению к народам Средиземноморья) народы сразу, может быть, самыми грозными воинами тогдашнего времени.

Второе: в спину киммерийцам ударили скифы. Скифов славяне восприняли как долгожданных освободителей и союзников. Не случайно в иных документах пришедших с востока скифов именуют сколотами. (А Б. А. Рыбаков, уже цитируемый мною, сколотами считает славян?!)

«Начало I тыс. до н. э. следует считать временем, когда славянские племена Среднего Поднепровья начинают свое историческое бытие, отстаивают свою независимость, строят первые крепости, впервые сталкиваются с враждебной степной конницей киммерийцев и с честью выходят из этих оборонительных битв. Недаром именно к этому времени можно приурочить создание первичных форм славянского героического эпоса, дожившего до начала XX века (последние подробные записи сделаны украинскими фольклористами в 1927–1929 годах).

Ко времени прихода скифов в южнорусские степи, к VII веку до н. э., славяне Среднего Поднепровья прошли уже большой исторический путь, отраженный как в археологических материалах, так и в мифах, и в героическом эпосе. Мифы, сохранившиеся в русских, белорусских и украинских сказках (а впервые записанные «отцом истории» Геродотом в V веке до н. э.), повествуют о трех царствах, из которых одно Золотое, о царе-Солнце (вспомним Владимира Красное Солнышко), по имени которого назван весь народ, населяющий эти царства» (Б. А. Рыбаков).

А что стало с киммерийцами – «народом сильным»? «Около VIII в. до Р. Х. киммерийцы изгнаны из своей родины перешедшими через Дон с востока сколотами – скифами. Переселились во Фракию, здесь соединились с трерами и в союзе с ними несколько десятков лет в начале VII в. грабили Малую Азию. Они уничтожили Фригийское царство, угрожали существованию Лидийского: царь Лидии Гигес пал в битве с ними. Они разрушили Магнезию на Меандре и осаждали знаменитый древнегреческий город Эфес. Поэт Каллин – древнейший из греческих поэтов, чьи имена нам известны, – увещевал граждан Эфеса дать мужественный отпор киммерийцам. «От судьбы не уйдешь, и часто смертный удел настагает в дому человека, который бежал с поля брани. Труса никто не жалеет, никто не чтит; героя, напротив, оплакивает весь народ, а при жизни чествуют его, как божество». Преемники Гигеса продолжали войну с киммерийцами. Полководец Алиат освободил от них Малую Азию до Галиса. В этих войнах киммерийцы уничтожены.

С ассирийцами киммерийцы столкнулись около 675 г.; «царь царей», «повелитель Вселенной» Ассаргаддон воевал с ними. Часть их, как предполагают, около 640 г. соединилась со скифами, нападшими на Переднюю Азию, разгромившими Ассирию и все страны до Египта. Ослабленное войнами со скифами и киммерийцами Новое Ассирийское царство пало в 609 г. до н. э.

Вот это очень важное слово. С начала I тыс. до н. э. начинается **историческое** житие славян. А **историческим** считается не пребывание того или иного народа на Земле, но отражение его существования в документах или, на худой конец, в преданиях, в устной традиции.

Золотые имена

Рыбаков Борис Александрович

В разное время Рыбаков был деканом исторического факультета, заведующим кафедрой истории России, проректором МГУ. Действительный член АН СССР (1958, член-корреспондент с 1953 г.), с 1991 г. – академик РАН. Иностраный член Польской академии наук (1970), действительный член Чехословацкой академии наук (1960), действительный член Болгарской академии наук (1978), член ВАК, председатель ученого совета Института археологии АН СССР (1956–1988), а также директор этого института. Опубликовал около 400 научных работ. Автор учебника для вузов «История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (1975). Основные труды: «Ремесло Древней Руси» (1948), «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1963), «Слово о полку Игореве» и его современники» (1971), «Язычество Древней Руси» (1987), «Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия» (1993). Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий. Рыбаков был эпохой в советской и российской историографии. Он изучал, должно быть, самую темную и малопонятную эпоху в прошлом России. Исследуя почти не имеющую документальных источников историю кривичей и древлян, стать главным историком государства не так просто. Придется по-настоящему долго трудиться – нередко не только головой, но и лопатой. В науке Рыбаков появился с возникновением потребности в материалистическом переосмыслении ранней российской истории. В изначально бесперспективных поисках диалектических закономерностей в почти неведомой жизни славянских племен Рыбаков уже в конце 1930-х сделал одну поистине великую вещь. Он, как говорят коллеги, «начал копать Древнюю Русь». Свои полевые археологические исследования он развернул в 1932 г., вел раскопки Тмутаракани, Чернигова, Любеча, долгие годы сотрудничал с самой известной археологической экспедицией Советского Союза – Новгородской – под руководством академика Янина. Возможно, без помощи и энтузиазма Рыбакова до сих пор не состоялось бы открытие новгородских берестяных грамот и многого другого. И вообще, советская археология наверняка была бы более бедной в смысле знаний и более скучной в своем научном быте.

Переходя от работы в поле к труду за письменным столом, Рыбаков не терял молодецкой увлеченности. Порою она рождала гипотезы, на первый взгляд (а иногда и на последующие взгляды тоже) странные и неожиданные. Так выглядело развитие некоторых рыбаковских идей относительно «исторического пейзажа» «Слова о полку Игореве» и других памятников древнерусской литературы. Слышавшие лекции Рыбакова в МГУ помнят его пассажи о сюжете «боя на Калиновом мосту», умилавшие студентов до неприлично громкого смеха. Древнерусское «чудище хоботистое» незамысловатыми речевыми фигурами лектора превращалось в мамонта, а «огненная река» в факельное шествие наших общих славянских предков, желавших загнать упирившегося древнего слона в вырытую для него яму... Уверения других ученых, что хобот – это всего лишь «знамя», на студентов в большинстве своем не действовали – гораздо интереснее было слушать академика Рыбакова.

Рыбаков-педагог – тоже целая эпоха. В МГУ он преподавал несколько десятилетий, вплоть до самых преклонных лет. По узким коридорам нелюбимого им первого гуманитарного корпуса перемещался быстро, не по-старчески. Студенту, который однажды помог ему донести в аудиторию проектор, пожимал руку все пять лет, что тот учился. Студент страдал: в молодости Рыбаков увлеченно занимался чем-то силовым, по расхожей версии, гиревым спортом. Говорили, что в курилке факультета он и в девяносто одной рукой поднимал табуретку за ножку.

Студенты всегда вспоминали Рыбакова с теплотой. Недаром руководство исторического факультета в начале первого года обучения для всех вводило обязательный месячный курс рыбаковских лекций ни о чем. Чтобы студенты сразу поняли все – и то, куда попали, и то, чем будут заниматься всю жизнь. Рассказы могучего академика о разных исторических проблемах вперемешку с «чудищами хоботистыми» и расслабляющей темнотой во время показа слайдов приводили на эти шоу даже тех, кто все остальные годы учебы провел в гастрономе № 8. Именно Рыбакова студенты спрашивали охотнее, чем других преподавателей. В общем-то, не важно о чем, в шутку или всерьез... Главное – его ответы слушали. Иногда подшучивали, но не зло... Однажды вместо записки с вопросом выслали на кафедру рыбаковскую же книгу «Язычество Древней Руси» с закладкой, на которой было написано: «Уважаемый Борис Александрович, объясните, пожалуйста, что все это значит».

Сколько у нас предков? /отступление/

Перед тем как мы начнем говорить о скифах, необходимо сделать одно замечание. Воспринимая историю по большей части через исторические романы и кинофильмы, мы с детства привыкли делить всех на «наших» и «не наших». Я припоминаю конфуз, что произошел в детском садике, куда ходил мой сын. Воспитательницы собрались пить компот или покурить, а детей усадили перед телевизором смотреть «Чапаева». По детсадовский традиции дети реагировали бурно на все увиденное, приветствуя красные отряды криком «Наши!» Но когда расстрелявшая все патроны пулеметчица Анка, останавливающая «психическую атаку» каппелевцев (изобретение братьев Васильевых, не имевшее к действительности никакого отношения, не было таких атак!..), услышав молодецкий посвист идущей лавой кавалерии, закричала: «Казачи!» и детсадовцы замерли в ужасе, с восторженным воплем «Наши!» вскочил мой сын, с пеленок усвоивший, что он сам – казак, как папа, мама, дедушка, бабушка и все родственники – коренные, донские и т. п. Стало быть, если казаки – значит, это наши! В те, коммунистические, времена мне в мягкой форме попеняли, что, мол, мальчик политически сориентирован неверно. Я так не считал. Что поделаешь – у каждого свои «наши». Во всяком случае, каждый из нас в этом убежден!

Но это касается только ближайшего прошлого. Чем дальше в глубь веков, тем сомнительнее принадлежность к каким-нибудь «нашим». Имеется в виду родовая «кровная» принадлежность, а не моральная оценка того или иного деяния в прошлом. Но это в нашем сознании постоянно смешивается. «Я – за славян, потому что они – мои предки, разумеется, самые благородные, умные, героические и т. п. Я – за армян, потому что я армянин, а они – древние... Я – за евреев... и т. д. И все они прекрасны, хотя бы потому, что это мои предки!» Это касается и современных евреев, и армян – народов уникальных, в первую очередь по их собственному убеждению, а во-вторых, действительно потому, что сохраняют уверенность, что и тысячу лет назад, и две – это все они и все одни и те же. И те, кто описан в древних сказаниях, – непосредственно их прямые предки, то есть их «наши».

Мы все так рассуждаем! Вот с этого конца и начнем. А вы уверены, что те, кто отстоит от вас ну хотя бы на пять столетий, точно «ваши»? Мы как-то не совсем ясно представляем, сколько у нас предков. Давайте посчитаем.

Папа и мама – это уже предки, поскольку они – прежде меня, а слова «предок» и «предыдущий» от одного корня. У каждого папы и мамы (двое) свои папа и мама – ваши дедушки и бабушки, то есть четыре. У каждого из них, в свою очередь, своя пара родителей – прадеды и прабабушки – восемь; прапрадеды и прапрабабушки – шестнадцать... и т. п. Таким образом, выстраивается огромная пирамида, на вершине находитесь вы, а подножие теряется в глубине столетий.

Кстати, все легко расшифровывают слово «семья» как «семь-я». То есть я – седьмой. И как-то не задумываются, а кто еще шестеро? Семь братьев и семь сестер – не семья, семь

произвольно взятых родственников – тоже не семья, а родня! А семья – что?! Вернее, семь – кого?

В слове «семья» зашифрована пирамидка вашей родословной, где вы – седьмой – вершина. А ниже – папа, мама, основание – два дедушки, две бабушки. Всего – семь душ, то есть три поколения. Это особые поколения, они – современники, хоть и разных возрастов. А вот за третьим поколением уже сложности, тут, чтобы восстановить свою родословную, приходится прилагать особые усилия, в памяти она полностью и целиком не удерживается.

Продолжаем! Примем, условно, жизнь одного поколения в четверть века – 25 лет. Хотя на самом-то деле от собственного рождения до рождения своего ребенка расстояние короче. Учитывается именно только это время – так что живите, дорогие родители, хоть до ста пятидесяти лет, после рождения детей отсчет поколений идет уже по вашим детям. Легко сосчитать, что тысячу лет назад у каждого из нас, если нет родственных браков, около миллиона предков.

Тысяча лет – срок для истории небольшой. Это довольно близкие к нам исторические времена – время Крещения Руси, например, и многих исторических деятелей того времени мы благодаря летописям знаем поименно. А если взять не одну тысячу лет, а несколько тысячелетий? Да помнить при этом, что многие – нет, не просто многие, а все, народы смешивались, то мы получим цифру, которую уже невозможно будет уместить в этой строке, и «наших» окажется невероятное количество среди тех, кого мы «нашими» не считали! И кто нам сегодня совсем не «наши»! Например, относящиеся к одной языковой группе арабы и евреи – очень близкие родственники, ближе некуда, а также славяне и германцы, современные греки и турки. Да какие же они нынче друг другу «наши»! Однако же исторически это так!

В чем пафос моего утверждения? Совершенно верно: в том, что все мы, в той или иной степени, – родственники. И у нас есть родовая фамилия – *«гомо сапиенс-сапиенс»* (то есть человек *«разумный-превразумный»*), что он частенько поведением своим полностью опровергает! Однако по латыни так: *«разумный – разумный»*). Это выделяет нас из ряда других живых существ, населяющих планету. Хотя люди все разные и человечество делится на расы по антропологическим признакам: цвет кожи, разрез глаз и т. д. На языковые семьи: славянская, германская, угро-финская, тюркская и т. д. Об этом мы подробно говорили. А еще делится человечество на этносы.

– Это что еще такое?

– Этносы – это, грубо говоря, народы.

Но только понятие «этнос» – более тонкое, более современное и название, и понимание, потому что отражает более точное деление народов или, если говорить еще точнее, людских сообществ. Этносы находятся в непрерывном движении. Народ – это как бы фотография, а этнос – кинофильм. Многие этносы перемещаются по планете. И каждый этнос, образно говоря, еще и плывет по реке времени. Более того, каждый этнос, как и каждый человек, рождается, вступает в пору юности, потом в пору зрелости, стареет и умирает. По утверждению Л. Н. Гумилева, при самых благоприятных условиях этнос живет не более 1500 лет. А дальше? А дальше как человек...

Душа моя не хочет соглашаться. «Нет! – кричит душа. – Не умирает...» Но уввы! История знает этносы, уничтоженные полностью, не осталось ни одного человека! Единственное утешение: этносы умирают, а люди остаются! Люди из старого этноса переходят в другие, молодые этносы...

Разумеется, это только научная гипотеза. Но без нее очень трудно объяснить судьбы народов. И очень важно знать историю этносов, их взаимодействие – иначе путаница!

Пример. В книге о половцах Мурад Аджиев восклицает: «Как сказочно обогатилась Россия за счет половцев!» И перечисляет далее десятки знаменитых фамилий, составляю-

щих ныне славу нашей державы. Здесь же, мимоходом, делается и еще одна очень серьезная ошибка, что повторяется и во многих работах других писателей, обвиняющих половцев: «Половцы постоянно совершали набеги на русских...»

А ведь ни того, ни другого не могло быть! Ни Россия, ни русские не могли обогатиться за счет половцев, поскольку, когда в Донских степях появились половцы, никаких русских, в современном понимании, еще не существовало. Жили в ту пору славянские племена: поляне, кривичи, дреговичи... входившие или не входившие в состав Киевской Руси. Россия – это совсем другое время! День рождения Великорусской нации – 8 сентября 1380 г., Куликовская битва. А в это время половцев-кипчаков уже не осталось. Жили их потомки, смешавшиеся с другими народами, например со славянами, а их именем называли «ордынцев», по большей части к половцам отношения не имевших. Современный русский человек в равной степени и славянин, и половец... И разделить в нем кровь славянскую, половецкую, а еще и финскую или балтийскую просто невозможно.

Этносы, живущие на планете в одно и то же время, мелькают, как лица в толпе. Этносы, как и люди разных возрастов, есть молодые, есть старые, есть только-только родившиеся... А порой встречаются и небывало старые, как говорят, «сохранившиеся в реликте»! Но не надо совершать общепринятую ошибку: не надо нас, нынешних, переносить в прошлое – нынешних русских, нынешних татар, нынешних финнов. Мы – дети современных народов-этносов, их не было ни тысячу, ни даже пятьсот лет назад, даже если сохранилось древнее родовое имя – название народа. Скажем, как у современных греков, евреев или армян. Ныне живущие – это современные, нынешние народы, даже если мы убеждены, что происходим от тех, кто жил тысячу и две тысячи лет назад. В конце концов, остальные народы, кто этого не помнит, тоже не из космоса прилетели. Их предки тоже древние! А самое смешное (хотя и сквозь слезы, потому что слишком много крови пролилось их за эти заблуждения) – там, в прошлом, очень сложно разглядеть, кто кому родственник.

Скажем, кому-то милы древние египтяне. И вот он пытается в лице Нефертити разглядеть черты своих дочерей. Как бы он удивился, узнав, что в неграмотном чистильщике сапог с его улицы течет капля крови древнего фараона, а где-нибудь в Центральной Африке, поблескивая кожей цвета гуталина, гуляет прямая наследница строителей пирамид, не подзревая о величайшем изобретении нашей цивилизации – бюстгальтере, а его-то предки во времена фараонов на другом конце света на моржей охотились!

Пустое это занятие – искать себя в прошлом. И надуваться от гордости за то, в чем нет твоей заслуги. Ну, допустим, твои предки возводили пирамиды, а ты-то здесь при чем, если твоя единственная заслуга в том, что ты у них родился? При чем даже и это – заслуга твоих родителей. Так что же, наплевать и позабыть? Совсем неправильно! Обязательно помнить, обязательно искать в прошлом, но... думая о будущем. В истории обратного хода нет!

Правильным будет другой путь: в нас, нынешних, искать эхо прошлого. Искать половецкие, болгарские, славянские, а еще раньше – тюркские, аварские, аланские корни... Зачем? Обязательно поговорим об этом, но чуть позже.

А как же быть тогда с национальностью? Ведь не случайно один человек говорит: я – эстонец! Другой: я – грузин! Третий: я – русский! Да еще и прибавляет: я – русский, но казак! Или: я – русский, но помор! Почему они так считают? Неужели потому, что один говорит по-эстонски, другой по-грузински, а третий по-русски? Нет. Ведь может быть и так: латыш – а латышского языка не знает, живет в США, говорит по-английски... Но он считает себя латышом, хотя он и гражданин США. Значит, язык хоть и очень важный, но не единственный показатель принадлежности к тому или иному этносу? Но тогда что же еще?

К этому разговору мы обязательно вернемся, а пока остановимся на том, что мы говорим о таких отдаленных временах, когда деление на «наших» и «не наших» совершенно не годится. Как бы нам ни были симпатичны поступки одних и гадки деяния других, утвер-

ждать, что одни из них наши предки, а другие чужаки, – нелепо. Даже те, кто убежден, что только славяне, только евреи, только армяне, только китайцы и т. п. его предки, и совершенно резонно возражает, что в любом этносе были браки среди достаточно отдаленных родственников, что родства своего уже не помнили, – именно так и формируется «эндогамная» схожесть внутри этноса. Возразить нечего. Но! Но говорим мы сейчас о страшно далеких временах. И мы пока ни слова не сказали о культуре или о культурном наследии... А без этого любой разговор не полон. Но нельзя же сразу и обо всем. Задача – «разложить по полочкам». Чем мы и занимаемся.

Мы оставили в далеком прошлом праславян, сложившихся в праславянский этнос в Привисленье. Славянам, воевавшим с киммерийцами, было до них столько же, сколько нам до древних славян. Праславяне (современники киммерийцев и скифов) тех славян, что смеют их в будущем и создадут Киевскую Русь, старше более чем на тысячелетие. (Киммерийцы – VII в. до н. э., Киевская Русь – IX в. н. э.) Они все древнейшие венеды, сколоты (если это не скифы) и анты – всё еще праславяне. Правда, ко временам скифов происходит разделение древней единой праславянской общности. Как оно происходило, можно говорить предположительно. Ну, во-первых, славянские племена продолжали двигаться на юг, восток и северо-восток, естественно, сталкиваясь хотя и с редким, но все-таки уже существовавшим там, и очень давно, неславянским населением, смешиваясь с ним и, естественно, изменяясь.

Во-вторых, отрываясь от центра возникновения славянства, каждая далеко ушедшая от этого центра славянская общность приобретала новые черты, каких теперь не могло быть у их когда-то близких родственников. И эти новые черты в других частях славянского мира неизвестны. Но подчеркиваю, даже в VII–III вв. до н. э. славяне хотя и уже различимы среди других культур, все же очень далеки от славян, например Киевской Руси. Если нашими родителями считать Русь Московскую, а дедушкой и бабушкой – Русь Киевскую, то это, пожалуй, пра-пра-прапредки... Вот и посчитайте, сколько в нас их генов. Как я уже предлагал считать: столетие – пять поколений. Те славяне, о ком мы говорим, отстоят от нас на 25 столетий, или на 125 поколений. Стало быть, ежели мы точно знаем, что от них происходим, то теоретически в нас 2 в минус 125 степени их наследства. Учитывая внутриплеменные связи чуточку побольше.

Но все-таки язык-то у нас славянский! Это – конечно. Но в языке за тысячу лет сохраняется не более 15 % слов. А здесь – две с половиной тысячи... Посчитайте, какая часть славянских корней, тех, что могут обнаружить только специалисты, осталась в языке. Нет, мы, конечно, их произносим... да не очень понимаем. Например, мы говорим «говядина», и нам ясно, что это мясо коров и быков, в отличие от свинины, баранины или козлятины, но далеко не все знают, что в древнеславянском языке «говядо» – корова.

Так почему же, скажем, современный еврей (тот, что по всем законам этнографии и антропологии, а также истории и десятка других наук такой дальний потомок спутников Моисея, что пророк, как Сатурн, «почти не виден») убежден, что это его «наши», что он из «колена Израилева»? Почему мы, русские, упорно повторяем: наши предки – славяне? (Хотя, и я докажу это, у значительного числа современных русских славянской крови совсем нет!) Потому что, кроме этнографической или, даже сказать, физической принадлежности на генном уровне к тому или иному народу, исчезнувшему в далеком прошлом, есть еще духовное и культурное наследие. А вот оно сохраняется! Оно влияет и на самосознание людей, и на стереотип поведения, а это во многом определяет, к какому этносу причисляет себя и принадлежит человек.

Теперь плавно переходим к первым письменным свидетельствам и к первому историку, Геродоту, оставившему нам рассказ о скифах и об их современниках, кого он хорошо знал.

СКИФЫ

«Да – скифы мы, Да – азиаты мы, С раскосыми и жадными очами...» – писал в конце XIX века поэт Александр Блок, и если с первой строчкой можно отчасти согласиться, добавив, однако, что, возможно, какие-то миллионные доли крови скифов имеются в жилах некоторых современных русских. Но вообще-то скифы в этнографическом смысле – это не мы! Относительно азиатов тоже не совсем ясно. Скифский мир огромен – от Дуная до Алтая – и, скорее всего, неоднороден. В сферу влияния скифской культуры входили разные народы, возможно, и разные расы. Что же касается «раскосых очей», то тут уважаемый Александр Александрович перепутал скифов с монголами. А вот их скифы, жившие в Причерноморье, скорее всего, никогда и не видели.

По внешности скифы ни к каким раскосым «азиатам» – ни реальным, ни мифическим – отношения не имели. Изображения на греческих вазах, их лица, восстановленные по методу Герасимова, свидетельствуют, что скифы принадлежат к европейской расе, что и славяне, и античные греки или современные кавказцы. Они выглядели примерно как нынешние осетины. Правда, с тем отличием, что если в лицах наших современников осетин, как в лицах венгров, австрийцев, русских, украинцев, мелькнет иногда какая-нибудь монголоидная черта, то появилась она много позже того, как древние скифы сошли с исторической сцены.

Этимология греческого слова «скиф», если только оно не искажение какого-либо из племенных имен, приводит нас к слову «σκύφος» – чаша, кружка, какую скифы носили на поясе. По Геродоту, скифы говорили на языке, близком к древнеиранскому общей со всеми европейцами индоевропейской языковой группы. Это подкрепляется не только утверждением Геродота и других древних авторов, но и немногими дошедшими до нас словами и личными именами скифов. Названия крупнейших рек бывшей Скифии – Дон («вода»), Днепр, Днестр, Дунай – все иранского происхождения. (У Геродота названия этих рек звучат иначе, он узнавал их в низовьях, вероятнее всего через тамошних греков, фракийцев и только отчасти от скифов.) Так как древнегреческие колонии Северного Причерноморья и Кавказа были основаны в скифское время и несколько столетий поддерживали оживленные сношения со скифами, неудивительно, что вся южная половина Восточной Европы продолжала носить имя Скифии даже тогда, когда сюда явились новые племена, вытеснившие предшественников.

О происхождении скифов Геродот сообщает три легенды: скифскую и греческую, в них скифы изображаются автохтонами (т. е. коренными жителями. – Б.А.), и третью, одинаково распространенную у греков и скифов. По ней, скифы вышли из Азии, из-за Аракса, будучи потеснены массагетами, и переселились в страну, прежде занятую киммерийцами. Скифское сказание относит начало народа на 1000 лет до Дариева похода в Скифию, т. е. тысячи за полторы лет до Р. Х. К такой же древности приурочивает происхождение первых скифов от Геракла и Ехидны и греческая легенда. О том же времени говорит, очевидно, и эллино-скифское сказание о выходе скифов из Азии; здесь, должно быть, содержится смутное воспоминание о расселении индоевропейцев по Европе.

Сами себя скифы, по словам Геродота, называли сколотами, персы именовали их саками. Скифы времен Геродота делились на отдельные группы: главенствующих над другими скифами «царских скифов», скифов-кочевников, скифов-пахарей, скифов-земледельцев, каллипидов (эллино-скифы, смешанный народ, буквально «прекрасно-лошадные»), алазонов («хвастуны», в буквальном переводе с греческого). Геродот и другие античные писатели указывают, что скифов окружали другие племена, некоторые исследователи хотели видеть в этих племенах славян, другие – финно-угров, отождествляя, например, будинов то с эстами, то с удмуртами. Но сведения Геродота очень скудны и не дают возможности даже локализовать тех же будинов сколько-нибудь уверенно – их помещали то к северо-западу от

среднего течения Днепра, то на востоке от этой реки, то где-то около Дона и т. д. Невров принимали то за славян, то за часть финно-угорских племен.

Геродот никогда не соприкасался сам с этими племенными группами, сообщая весьма поверхностные рассказы о них, заимствованные у тех эллинов, которые жили в причерноморских колониях и вряд ли сами были сколько-нибудь обстоятельно знакомы с племенами, жившими к северу от Скифии. Поэтому всякие попытки найти какое-то соотношение между этими (нескифскими) геродотовскими племенными названиями и какими-либо позднейшими народами, обитавшими в этих местах, обречены на неудачу. Зато известия Геродота о скифах прекрасно подтверждаются – в частности, их родство с иранскими народами, описание многих обычаев и т. п.

Не всегда ясно, составляли ли все собственно скифские племена единое целое в отношении языка или были какие-то различия между ними. Вероятнее всего, эти различия были не очень существенны ввиду весьма большого сходства древнейшей топонимики от Дуная до Дона. Не очень ясно и другое обстоятельство: всегда ли Геродот (как и другие античные историки) располагал достаточными сведениями для того, чтобы отличить племенное разделение скифов на отдельные этнические группы от разделения по социальным слоям. У Геродота имеется указание на верховную роль царских скифов, которые все другие племена считали своими рабами. Это можно разъяснить и как результат завоевания, и как следствие внутреннего образования верхушечной прослойки скифов. У соседей скифов – фракийцев, – по сообщениям древних, тоже одно племя – сатры (sa-trae) – никогда не знало рабства. Имя (сатры) весьма напоминает индийскую древнюю касту кшатриев, на что впервые обратил внимание ученый-историк В. Томашек почти сто лет назад; можно, таким образом, предполагать и здесь не собственно племенное обозначение, а нечто вроде внутренней верхушечной прослойки.

Имя «скифы» было известно уже лет за триста до Геродота и повторялось потом очень многими греческими и латинскими писателями, уже и после вытеснения скифов и замены их другой группой племен тоже иранского (по языку) происхождения – сарматами. Термин «скифы», потеряв определенное этническое значение, стал применяться для обозначения многих племен, живших к востоку от Дуная (обычно исключая фракийцев). Географическое обозначение «Скифия» долго продолжало существовать в применении к южной полосе Восточной Европы. Позже оно сменилось названием «Сарматия». Даже более тысячи лет после падения Скифской державы составитель Начальной русской летописи, закончив перечисление восточнославянских племен своего времени, добавил: «Да то ся зовяху от Грек Великая Скуфь». Это уже чисто книжное употребление древнего географического термина, создавшегося некогда на этнической основе.

Под Скифией Геродот понимал огромное пространство в Восточной Европе, которое определял как квадрат, каждая сторона которого равнялась 20 дням пути (примерно 700 на 700 км); южная сторона квадрата опиралась на Черное море. Это пространство заселено разными племенами, говорящими на разных языках, ведущими разное хозяйство и не подчиненное единому царю или какому-либо племени.

«Собственно скифы, давшие условное имя всему квадрату, обрисованы Геродотом как степные скотоводы, кочующие в кибитках, чуждые земледелию, не знающие оседлых поселений.

Им противопоставлены жители лесостепного Среднего Поднепровья – земледельцы, вывозящие хлеб в Ольвию, празднующие ежегодно весной праздник священного плуга (сабантуй? – *Б.А.*), подаренного людям богом неба. По отношению к этим «днепровцам-борисфенитам» Геродот делает примечание, говоря о том, что греки их ошибочно причисляют к скифам, тогда как у них есть самоназвание – «сколоты».

Три царства скототов на Среднем Днепре и в соседней лесостепи (все они в границах древней славянской прародины) хорошо соответствуют трем основным группам, выявленным украинскими археологами среди древностей скифского времени. Археологические материалы объясняют нам ошибку греческих торговцев, перенесших на славян-скототов общее имя скифов: в материальной культуре славян-земледельцев («скифов-пахарей») прослеживается много скифских черт. Длительное соседство этой части славянства со скифо-сарматским иранским миром сказалось и на языке: в восточнославянских языках много слов скифского происхождения: «топор» (при славянском «секира»), «собака» (при славянском «пес») и т. п.

Социальный строй среднеднепровских славян еще за полторы тысячи лет до Киевской Руси оказался на пороге государственности. Об этом говорят не только упоминания скототских «царств» и «царей» Геродотом, но и всаднические черты погребенных воинов, и огромные «царские» курганы на Киевщине, и импортная роскошь славянской знати. По всей вероятности, славяне Среднего Поднепровья жили дружелюбно с царскими скифами Причерноморья, что позволяло вести торг с приморскими городами и заимствовать ряд бытовых черт у скифов-кочевников.

...Один из уголков славянского мира, Среднее Поднепровье, описан «отцом истории» Геродотом, по всей вероятности, по личным впечатлениям: он не только видел славян-борисфенитов в Ольвии, но знал точно протяженность земли борисфенитов (11 дней плавания по Днепру), знал вкус воды в верховьях мелких рек, знал фауну лесостепи, записал те сказания о трех братьях и трех царствах, которые до наших дней уцелели в волшебных богатырских сказках. Он записал даже имена мифических героев-родоначальников, которые тоже сохранились в восточнославянском фольклоре». Так писал замечательный историк Б. А. Рыбаков, пожалуй, самый крупный знаток этого периода истории в советской историографии. Но ему возражал другой замечательный ученый – А. И. Попов:

«Уже по данным Геродота видно, что эти характеристики различных «племен» у него совершенно неоднородны и неравноценны: царские скифы, скифы-земледельцы, скифы-пахари, скифы-кочевники – все это содержит в себе какие-то отдельные и неравноправные этнографические черты и признаки и отнюдь не соответствует самоназваниям, кроме, быть может, «царских скифов». При этом даже близкие по смыслу наименования – «скифы-земледельцы» и «скифы-пахари» – в действительности сильно различались, только последние возделывали хлеба для торговых целей; одним словом, это, скорее, частные этнографические описательные названия, данные греками тем или иным группам скифов, чем собственно «племенные имена». Вообще, в известиях древних, средневековых и даже нередко позднейших источников обычно бывает крайне трудно установить точное значение и смысл терминов «племя», «народ» и т. п., так как эти термины могут пониматься здесь чрезвычайно широко и неопределенно...

...Выдающийся историк В. О. Ключевский в своем замечательном «Курсе русской истории» очень хорошо выразил мысль о бесплодности этих гипотез, говоря о древних народах – киммерийцах, скифах и других, – некогда населявших нашу страну: «Присутствия славян среди этих древних народов незаметно. Историческая этнография, изучая происхождение всех этих народов, пыталась выяснить, какие из них принадлежали к кельтскому и какие к германскому или славянскому племени. В такой постановке вопроса есть, кажется, некоторое методологическое недоразумение. Эти племенные группы, на которые мы теперь делим европейское население, не суть какое-либо первобытное извечное деление человечества: они сложились исторически и обосновались в свое время каждая. Искать их в скифской древности – значит приурочивать древние племена к позднейшей этнографической классификации. Если эти племена и имели общую генетическую связь с позднейшим населением Европы, то отдельным европейским народам трудно найти среди них своих прямых

специальных предков и с них начинать свою историю». Эта постановка вопроса, данная В. О. Ключевским, должна считаться единственно правильной, в противном случае исследователь неизбежно впадает в грубое упрощенчество и вульгаризацию подлинного исторического процесса».

Я обещал вам сталкивать различные точки зрения? Вот – пожалуйста. Только прошу вас «не болеть» за точку зрения одного или другого. История не футбол. И Рыбаков, и Попов, и Ключевский – это великие имена. А нам при чтении их книг выпадает счастье, о каком когда-то точно написал поэт: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Его призывали Всеблагие, как сотрапезника, на пир!» Имеется в виду пир интеллекта, мысли, знаний. А мы – сотрапезники! Так постараемся быть достойны!

Славянство скифского времени тоже уже не было единым, и для него нельзя найти какой-либо единый «археологический мундир». Если лесостепные славянские племена днепряны получили много черт скифской культуры, то рядом с ними, в лесной зоне на северной окраине славянской прародины, проживали по соседству с балтами (латышско-литовскими племенами) геродотовские «невры» (милоградская археологическая культура), которые во многом уступали своим южным соседям – «скифам-пахарям». Контраст между уровнем быта «смысленных полян» и их лесных соседей, «живущих звериньским образом», отмеченный Нестором, зародился уже в скифское время.

Скифская держава в степях пала под натиском иранских же кочевых племен – сарматов. Скифы оказались разрезанными надвое потоком новых кочевников: часть их ушла на юг, в Крым, а часть отодвинулась к северу, в лесостепь, где была ассимилирована славянами (может быть, именно тогда и проникли скифские слова в славянский язык?).

Скифская загадка

По словам другого античного автора, Гиппократ, скифы походили только на самих себя: цвет кожи их желтый, тело тучное и мясистое, они безбороды, что уподобляет их мужчин женщинам. Это, похоже, не индо-иранцы, а монголоиды?! Все эти показания вынуждают исследователя причислять царских скифов и скифов-кочевников к другой расе, нежели скифов-земледельцев, пахарей. «Численности скифов, – говорит Геродот, – я не мог узнать с точностью, но слышал два разных суждения: по одному – их очень много, по другому – собственно скифов мало». Следовательно, многие из живущих в Скифии народов носили имя скифов только потому, что входили в состав Скифской державы. Когда Геродот говорит о бедности и бездомности скифов, о том, что у них нет ни городов, ни укреплений, что они со своими семействами передвигаются на телегах, почему и назывались «гамаксоиками, гамаксобиями», что все они – конные стрелки из лука и пропитание получают от скотоводства, а не от земледелия, то в круг этих скифов нельзя включать те скифские народы, что пахали землю и торговали хлебом.

От Геродота мы знаем, что скифские народы говорили на разных языках, так как для сношений с крайним восточным народом, аргиппаями, скифы и эллины пользовались семью переводчиками и столькими же языками. Таким образом, из трех гипотез о происхождении и народности скифов наиболее обоснованной представляется та, по которой под геродотовскими скифами подразумеваются несколько народностей различных рас и разных степеней культуры. Смешанным этническим составом объясняется и разноречие свидетелей в показаниях об их быте и характере. О наклонности скифов к пьянству говорили многие греки, даже существовала поговорка «Пить по-скифски», т. е. неразбавленное вино; Страбон, напротив, защищает их от этого упрека. Геродот называет скифов единоженцами; Гиппократ и Страбон говорят о полигамии; последний из этих писателей находит у некоторых скифских племен общность жен, что признавалось некоторыми и во время Геродота. Пища скифов – обычная для скотоводов – мясная и молочная; из кобыльего молока приготавливались масло и творог и, должно быть, нечто вроде кумыса. По свидетельству Страбона и Плиния, некоторые скифы

были людоедами (возможно, ритуальное людоедство. – *Б.А.*), что подтверждается и принесением в жертву пленников.

Изобретение скифов – штаны, без них невозможна постоянная верховая езда, кафтан, пояс и остроконечная войлочная шляпа – башлык, поля ее свешивались до плеч; летом и зимою – одежда одинаковая; но, конечно, не все скифские народы одевались одинаково. Гораздо более обильные данные об одежде скифов дает археология, особенно из изображений на кульобских пластинках и на вазах. Женская одежда состояла из длинной рубахи, доходившей почти до ступни, перехваченной у пояса, с узкими длинными рукавами; сверху набрасывалась другая, тоже длинная одежда, похожая на халат. Обувью служили полусапожки, в которые обыкновенно засовывались штаны. Верхняя одежда украшалась бляхами из золота, бусами металлическими и стеклянными, пуговками, пластинками и т. п. Украшениями мужчин и женщин служили также ожерелья, браслеты, серьги и кольца. Главным вооружением служили лук и стрелы, а также метательное копье, нож, меч, секира, щит и латы или панцирь; оружие главным образом железное, но случалось и бронзовое. Домашнюю утварь составляла прежде всего посуда для приготовления и хранения жидкостей и твердой пищи: котлы, металлические вазы, деревянные сосуды, глиняные горшки, чашки или черпаки и т. п.

Начало постоянной торговле со скифами положено выходцами из Греции и Малой Азии, которые уже с VIII в. до Р. Х. основывали прочные поселения на берегах Понта; предшественниками греков были карийцы и финикийцы. По морю доставляли греки рабов, скот, хлеб, мед, воск, соленую рыбу, строевой лес, меха, шкуры, металлы, минералы, янтарь и др. О чрезвычайном изобилии пчел в Скифии говорят Геродот и писатель II в. по Р. Х. Павсаний. Одни из наиболее прибыльных промыслов в черноморских городах – рыболовство и заготовление рыбы. Хлебом изобиловал особенно Таврический полуостров; боспорские цари часто в трудные годы облегчали положение Афинской республики удешевленной или даровой доставкой хлеба в огромных количествах. Предметами ввоза из греческих стран были вино, масло, глиняная посуда, ткани, произведения искусства из золота, других металлов и глины. Отношения скифов с греками-колонистами, жившими на Понте, начались по крайней мере с IV в. до Р. Х., и не только мирные, торговые; греческие города немало терпели от набегов скифских полчищ, и прежде всего богатейший из них – Ольвия. В III в. к скифам присоединились и другие окрестные племена: саи, галаты, скиры, фисаматы, савдараты, геты.

Что касается религии скифов, Геродот называет по именам несколько божеств, приравнивая их к греческим: Папай = Зевс, Фамимасада = Посейдон, Ойтосир = Аполлон, Артимнаса = Афродита Урания, Табити = Гестия, Апия = Гея. По другим известиям, наиболее распространенным культом у скифов был культ Арея, чествование которого под видом меча, водруженного в высокую кучу хвороста, описано Геродотом. Подробно описаны историком военные обычаи, погребение царей скифских, поминки по умершим, бальзамирование трупов. Геродот повествует, как скифы заключали союз побратимства: прибавив к вину собственной крови, договаривающиеся пили эту смесь из общей чаши, погружая в нее меч, стрелы, боевую секиру и копье. К известию Геродота может служить иллюстрацией прекрасный горельеф на золотой пластине из Кульобского кургана: два скифа, обнявшись, держат другой рукой ритон, из которого собираются пить. Лукиан рассказывает об ином способе заключения договора у скифов перед походом на боспорского царя. Скиф Арсак изжарил быка, разрезал тушу на куски и разложил их на бычьей шкуре, на которой и сам уселся: кто брал кусок мяса и съедал, того он считал своим союзником в предстоявшей войне.

Первые кочевники

Да что так много разговоров о скифах! Все скифы да скифы. А от них мало что осталось! Да и какое отношение они имеют к главному вопросу нашей книги: «Почему русские – русские?»

Подождите, мы еще о самом главном не сказали, чтобы объяснить такое внимание к скифам. Смотрите, что поразило Геродота: «У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышленяют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках». «Называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках». Вот оно! Скифы – одни из самых первых настоящих кочевников. Они открыли бесконечную череду кочевых народов, сменявших друг друга на просторах южнорусских степей на протяжении многих веков мировой истории: скифы, сарматы, гунны, болгары, хазары, печенеги, половцы, монголы.

До скифской эпохи, еще на рубеже II и I тыс. до н. э., причерноморские степи были заняты населением, жившим оседло. С давних пор господствовало здесь земледельческо-скотоводческое хозяйство. Приблизительно в это время, в начале I тыс. до н. э., в самом конце эпохи бронзы, картина хозяйственной жизни во всем поясе степей начинает меняться. На смену комплексному земледельческо-скотоводческому оседлому хозяйству приходит новое – кочевое скотоводство. (Примерно в это же время библейский Фарра, дед Авраама, вывел свой род из Шумера и стал кочевать со стадами по Аравийскому полуострову.)

Переход к кочевому образу жизни в южных районах происходил повсеместно. И тому – тысячи причин. В начале I тыс. до н. э. в южной части Восточной Европы процесс усыхания степей приблизился к своему апогею и осложнил земледелие. Засуха губила посеvy. Поэтому в степи возник новый хозяйственный уклад. Огромные безлесные пространства давали для скота обильный подножный корм. Небольшой снеговой покров позволял животным добывать корм и зимой. Открытые пространства давали простор для беспрепятственных передвижений людей и домашних животных, позволяли одновременно содержать и кормить много скота.

Человеческое сообщество же в конце бронзового века достигло в своем развитии своей вершины. Социально-экономические ресурсы для растущего населения были исчерпаны. Значительно возросла роль товарообмена, а в меновых отношениях скот служил мериллом ценности, и повсеместно потребность в нем была велика. За скот можно было выменивать различные продукты, а также изделия ремесла. Все это неизбежно вело к стремлению увеличить животноводческое производство, получать излишки продукции скотоводства – специально для обмена. Но окружавшие селения уголья не могли поддержать и обеспечить постоянное увеличение числа скота. Требовались новые выпасы. Тогда люди, жившие на бескрайних степных пространствах, покинули насиженные места, порвали с оседлостью и от пастушеского скотоводства перешли к кочевому.

Возникновение кочевого скотоводства стало возможным и потому, что лошадь была приручена и превратилась в важнейшее средство передвижения. Существовал к тому времени и колесно-упряжной транспорт, различные повозки, куда впрягались волю. Кочевое скотоводство повлекло за собой ломку всего жизненного уклада. Постоянные поселения исчезли. По огромным степям двинулись тысячи первобытных кочевий. В VIII–VII вв. до н. э. большие орды (племена), кочуя на значительные расстояния, двигаясь почти непрерывно, заполнили степи. Увеличивавшиеся стада скота быстро опустошали пастбища, поедая траву на местах остановок, и кочевники-скотоводы должны были передвигаться дальше, с места на место. Все стремились завладеть наибольшими и наилучшими участками степей. Захват пастбищ стал обычным явлением, а скот – желанной добычей. Благополучие всего племени зависело от боеспособности и смелости воинов, охранявших стада и перекочевку на широких степных территориях.

Кочевники имели существенные военные преимущества по сравнению с оседлыми племенами и многие необходимые им продукты добывали грабежом у оседлых племен-земледельцев в набегах или получали в виде постоянной дани. Ведя подвижный образ жизни, легко совершая переходы на большие расстояния, всегда готовые к бою, они стремительно обрушивались на поселения земледельцев и, разгромив их, так же быстро с захваченной добычей скрывались. Орды кочевников приносили неисчислимые бедствия земледельцам – в частности, населению лесостепной полосы Восточной Европы, продолжавшему заниматься и земледелием, и скотоводством. С выходом кочевников на мировую арену война стала страшной неотъемлемой частью жизни народов. Не все степные племена окончательно порвали с земледелием, не все степняки перешли полностью к кочевому образу жизни. В несколько иных природных условиях, в речных долинах, земледелие по-прежнему сохранялось. Однако главной силой в степях, несомненно, стали кочевники, на многие столетия захватившие степи. Появление скифов на исторической сцене совпало еще с одним событием всемирного значения – распространением железа. Произошел переворот в технологиях, так как орудия из железа острее, тверже, долговечнее бронзовых, а железная руда в природе встречается чаще медной. Теперь человек, имея плуг с железным сошником, топор, нож и пр., мог вспахать большую площадь, быстрее срубить дерево, лучше построить жилище, с меньшей затратой труда обработать дерево и кожу. Появился и железный меч, сыгравший в судьбе многих народов и губительную, и спасительную роль. Со становлением кочевого образа жизни резко расширились культурные связи между близкими и удаленными друг от друга группами населения степей. Неизбежные при перекочевках частые и разнообразные встречи и контакты содействовали быстрому распространению культурных достижений. По этой причине у всех кочевников причерноморской полосы, да и более восточных степей, разных этносов и даже рас, на колоссальных пространствах сложилась сходная культура. Они все одинаково проводили жизнь на конях и в повозках, всегда находились при стадах, питались теми продуктами, что давал скот, пользовались приспособленными к кочевой жизни домашней утварью и одеждой. Оружие и конская сбруя схожи у многих племен. Обычаи, религиозные представления, духовный мир, изобразительное творчество сходны.

С переходом к кочевому скотоводству значительно увеличившееся поголовье стад основательным образом повысило благосостояние населения. Богатство отдельных племен быстро росло благодаря захватам чужого скота. Война стала прибыльным делом; кроме того, скотом занимались и распоряжались мужчины. В эту заключительную эпоху первобытной истории патриархально-родовой строй окончательно сменил матриархат.

Более высокая производительность труда, успешные войны и набеги вели к накоплению собственности, но собственности уже не всего рода, а отдельных семей. В железном веке социальное расслоение усилилось. Возникла и укрепилась племенная знать. Власть приобрели военные вожди. Они стояли во главе новой организации общества, именуемой военной демократией, поскольку война становится теперь частью народной жизни. Удачливые вожди получали львиную долю военной добычи. Война не только давала им богатство, но и усиливала их власть в племени. Однако демократические основы жизни все еще проявляются в различных формах, сосуществуя с экономическим и социальным неравенством. Возникли первые «предгосударства». Эту завершающую стадию первобытно-общинной формации – ранний железный век – в южнорусских степях и представляли скифские племена.

Скифы оставались хозяевами степей 1000 лет – огромный период, насыщенный событиями, о большей части которых нам ничего не известно. Наиболее обоснованная гипотеза о происхождении скифов сводится к тому, что в северочерноморских степях они были пришедшим со стороны населением, пришельцами, явившимися сюда из-за Волги. Обосновались в Причерноморье кочевые скифы в VIII в. до н. э., когда к кочевому образу жизни пере-

ходило население всего пояса степей и то население, на землях которого они появились. Эти издавна жившие в Северном Причерноморье племена были скифами изгнаны или подавлены и ассимилированы.

VII в. до н. э. был чрезвычайно бурным столетием в скифской истории, эпохой далеких походов и странствий. Скифы двинулись на юг, прошли Кавказ и достигли района древнейшей цивилизации – стран Передней Азии. Здесь они стали участниками сложных международных событий. Об этом периоде истории скифов наука хорошо осведомлена – благодаря восточным хроникам и сообщениям греческих авторов. Восток уже успел к этому времени познакомиться с нашествиями с севера – еще в VIII в. до н. э. в Передней Азии появились киммерийцы, предшественники скифов в Северном Причерноморье, ими оттуда изгнанные. Новое знакомство не предвещало восточным государствам ничего хорошего. И действительно, разбои и разрушения принесло скифское вторжение цветущим центрам Древнего Востока. Скифы воюют с одними странами, вступают в союз с другими. Часто их бывшие союзники превращаются во врагов, а враги становятся военными соратниками. Ассирийские цари – то друзья скифских вождей, то непримиримые их враги. Полчища скифов то громят царство Мидию, то вместе с мидянами выступают против Ассирии. Всю Переднюю Азию прошли скифы, добрались почти до границ Египта, и фараону пришлось дарами и уговорами склонять их к тому, чтобы повернуть обратно. В быстроте, подвижности, хорошей оснащённости легким оружием была сила скифской конницы. Искусством стрельбы из лука скифы владели в совершенстве. Пути их по странам Передней Азии буквально усеяны до сих пор находимыми бронзовыми наконечниками стрел характерных «скифских» форм.

Весь Восток знал и боялся скифов. Геродот весьма выразительно повествует об их поведении: «Скифы... все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того, что они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа». В драматических обстоятельствах ожесточенной борьбы конца VII столетия до н. э. скифам принадлежала видная роль, именно они склонили чашу весов в пользу одной из сторон – Вавилона и его коалиции, врагов Ассирии. Изменив Ассирии, скифы примкнули к этому союзу. Объединенные силы мидян, скифов и вавилонян подошли к Ниневии и после трехмесячной осады в августе 612 г. до н. э. штурмом взяли ассирийскую столицу, а затем уничтожили город. После этого скифы продолжали решительно участвовать в большой политике Востока. Но наступил закат и их могущества.

В начале VI в. до н. э. скифы, понеся существенный урон от бывшего союзника, Мидии, навсегда покинули Переднюю Азию, направившись обратно, в Северное Причерноморье. Родина предков встретила скифов недружелюбно. Остававшиеся в Причерноморье скифы, вернее их потомки, привыкли к роли хозяев степей. Началась упорная борьба, завершившаяся победой прибывших из Азии скифов. Все остальное население им подчинилось.

В конце VI в. до н. э. персидский царь Дарий Гистасп двинулся походом на Скифию. Персия того времени – могущественная мировая держава, исключительно сильная в военном отношении. Огромное персидское войско в 514 г. до н. э. переправилось в Европу через Босфор, затем перешло Дунай и вторглось в скифские земли. Скифам трудно было одолеть столь мощного противника. Они отказались от открытого сражения, все время отступали, заманивая врагов в глубь страны, опустошая оставляемую территорию, совершая неожиданные набеги на персов. Скифы оставались неуловимы, а победа над ними – все менее достижимой. Персидский царь вынужден был отступить. Теряя обозы, раненых и ослабевших людей, он ушел обратно за Дунай.

Прошло более полувека после этих героических для скифов событий, и описание их нашло место в труде Геродота – первом в науке историческом сочинении. Сами скифы не знали письменности и не оставили будущему описания своей жизни. Но они рано вступили в контакты с цивилизованным миром Эллады – на северных берегах Черного моря располага-

лись эллинские города-колонии. Греческие писатели, и многие, в своих сочинениях в той или иной степени касались Скифии, и мы теперь их глазами воспринимаем мир скифов. Можно заключить, что в Скифии существовала военная демократия. Социальный состав скифского общества был довольно пестрым. Рядовые жители Скифии – люди свободные. Они составляли большинство населения. Но были и рабы. Геродот упоминает об их существовании, об их труде. Остальная, меньшая, часть – знать, разного ранга аристократы: главы богатых семей, члены царских дружин, военные вожди. На вершине иерархической лестницы стояли цари. Скифское царство образовывал союз племен. Во времена похода Дария оно делилось на три отдельных царства, и было три царя. Но один царь – Иданфирс – являлся главным царем Скифии. Царства состояли из номов (округов) во главе с номархами. Они командовали войсками номов, а общее войско скифов возглавлял царь. Скифский царь – прежде всего вождь военный. Он обладал огромной властью, но иногда его войско – масса вооруженных мужчин – могло заставить царя считаться со своей волей. Такую силу имело народное собрание, состоявшее из всех воинов. Народные собрания собирались в номах, обсуждая важные дела и даже судьбу царя – вплоть до освобождения его от пребывания на престоле.

К IV в. до н. э. скифское царство превращается в державу первой величины. Если ранее это был лишь союз племен, то в IV в. до н. э., как считают многие ученые, в Скифской державе можно видеть сложившееся государственное образование. Очевидно, в это время, в начале или первой половине столетия, всю Скифию объединил под своей единоличной властью царь Атей. При нем скифское общество перелатило золотой век своего долгого существования.

IV в. до н. э. – период экономического расцвета Скифии. Широко шел торговый обмен с северочерноморскими греческими городами. Скифская аристократия обогащалась на этой торговле. У греков приобретались предметы роскоши, включая бесчисленные золотые драгоценности. Всевозможными греческими изделиями обставлялся быт скифской знати. Подобная эллинизация в это время целиком захватила верхи общества. Атей правил Скифией энергично и царствовал благополучно. Но кончилось его царствование несчастливо. Царь Скифии стремился расширить свои владения к югу от Нижнего Дуная. Это вызвало энергичное противодействие со стороны царя Македонии Филиппа II, имевшего свои интересы в этом районе – во Фракии. Его войско выступило в поход против скифов. Военные действия развернулись в придунайских землях, где и произошло в 339 г. до н. э. решающее сражение. Атею тогда было 90 лет. Несмотря на преклонный возраст, мужественный воин сам повел в бой скифские войска. Но победу одержал Филипп, скифы были разбиты, а Атей пал на поле брани. Прошло восемь лет, и скифам удалось взять реванш. В 331 г. до н. э. поход на них возглавил полководец македонского царя Александра Великого, создателя мировой империи, – Зопирион. С 30-тысячным войском он вторгся в Скифию, двинулся в направлении города Ольвии и осадил его. Город выдержал осаду. Зопириону пришлось отправиться в обратный путь. Но скифы не позволили ему благополучно покинуть пределы их земель. Зопирион со всем своим войском был уничтожен. Однако тучи над Скифией сгущались. И главная опасность шла с Востока. Здесь, за Доном, жили сарматы – народ, родственник скифам. Воинственные кочевые сарматские племена со временем стали переходить Дон и теснить скифов. Нажим все усиливался, продвижение их на запад превратилось в нашествие на скифские земли. Древний автор Диодор Сицилийский рассказывает, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Под этим натиском Скифия сжималась, теряя свои территории, и к концу III в. до н. э. сохраняла за собой лишь степной Крым и Нижнее Приднепровье. Была перенесена и столица. Она располагалась близ нынешнего Симферополя и называлась Неаполем, то есть новым городом, в облике которого было много греческого.

Во II в. до н. э. положение, очевидно, стабилизировалось. Скифы как-то оправились от понесенных тяжелых потерь. Вожди нового скифского царства – Скилур и его сын Палак, – словно решив потряхнуть стариной, повели наступательные действия против своих соседей. В данном случае противниками были северочерноморские греческие города, с которыми долгие годы развивались мирные отношения. Эти города были для скифов торговыми посредниками, через них уходили в разные страны скифские товары. Теперь же скифы захотели всю торговлю забрать в свои руки. Сначала казалось, что им удастся подчинить города. Но греки обратились за помощью к царю Понта (сильное государство в Южном Причерноморье) Митридату. Присланные им войска в ряде сражений разбили скифов. Победленным пришлось просить мира – вместо того чтобы диктовать его и торжествовать победу.

Это не стало еще полным крушением. Скифы, собираясь с силами, в дальнейшем иногда воздействовали на ход событий в Северном Причерноморье, напоминая о себе цивилизованному миру. В 26 г. до н. э. в Риме их послов принимал император Август. Но все меньше скифы могли влиять на чью-либо судьбу. А сами они все более отличались от своих воинственных и удачливых предков. Когда-то хозяева огромных территорий, еще и совершавшие далекие походы в чужие страны, они теперь были зажаты, неподвижны на клочке земли, в крымских степях. На протяжении столетий скифы кочевали, а ныне все более оседали, превращаясь в земледельцев. Самобытность скифов канула в прошлое. III в. н. э. стал последним столетием скифской истории. Они поглощались окружающими их народами и наконец ушли с исторической сцены. Но оставили после себя то, что в наше время называется древней материальной культурой, – покрытые землей всевозможные остатки былой своей деятельности: жилища, мастерские, оборонительные сооружения, могильники, предметы быта, вооружения, произведения искусства... Страбон (I в.) рядом со скифами называет сарматов и другие народы, Геродоту неизвестные: тирегетов, язигов, бастарнов, роксолан и др. Термин «скифский» в применении к южнорусским курганам имеет условное значение, ни неопределенно-этнографическое, ни даже хронологическое.

Золотые имена

Страбон.

(Στράβων) – знаменитый греческий географ времен Августа и первых годов правления Тиберия, родом из Амасеи, резиденции понтийских царей, происходит из богатого и знатного дома, жил около 80 лет. «География» (Γεωγραφικά) Страбона, дошедшая до нас почти целиком, – единственное сочинение, дающее нам понятие о том, чем была географическая наука в то время, а равно знакомящее нас и с предшествующей историей науки, и с различными в ней направлениями. Страбон вошел в славу не скоро; зато более поздняя древность высоко чтит его как географа по преимуществу, и плоскошарию Страбона с небольшими только переменами по краям удерживалось до V в. нашей эры. Все 17 книг «Географии» Страбона сохранились почти целиком, в большом числе списков.

Кроме полного текста сохранились так называемые сокращения или извлечения, сделанные с конца X в. и часто служащие к восполнению пробелов. Благодаря этим сокращениям значительно восполнена утерянная часть VII книги, посвященная Македонии и Фракии. Из 17 книг «Географии» две первые составляют введение и содержат в себе, большей частью в виде полемики с предшественниками, изложение руководящих понятий о землеописании, о пользе географических познаний для всякого образованного человека, особенно для полководца и правителя.

Конец введения посвящен изложению собственных взглядов Страбона на предмет землеописания, на необходимость для географа предварительного знакомства с физикой и математикой и т. д. Собственно описательная география начинается с III книги, причем восемь книг (III–X) заняты Европой, шесть книг – Азией (XI–XVI), последняя (XVII) – Африкой. В описании Европы, начинающемся с Иберийского полуострова, автор всего дольше останав-

ливается на Элладе и прилегающих островах, посвящая им три книги (VIII, IX и X); описание Эллады начинается с Пелопоннеса, кончается Этолией, Акарнией и о-вами. Большим вниманием Страбона пользуется также Италия с близлежащими островами (V–VI). В III книге говорится об Иберии, в IV – о Галлии, в VII – о германах, кимбрах, скифах, савроматах, гетах, даках, о народах по сю сторону Дуная, иллирийцах, паннонцах и др., наконец о Македонии и Фракии. В Азии по сю сторону Тавра Троада, Пергам и Лидия описаны с наибольшей обстоятельностью. К Азии по ту сторону Тавра отнесены Индия, Персия, Ассирия, Вавилония, Месопотамия, Сирия, Финикия с Палестиной, Аравия. Восточную окраину обитаемой земли составляет Индия, западную – Иберия. Серы (китайцы) называются народом Индии; географ упоминает об их долголетию и, со слов Неарха, об их хлопчатобумажных тканях. Более точные сведения о Серике дает впервые Птолемей, столетие спустя после Страбона. Огромную начитанность не только в географической и исторической литературе, но и в поэзии и философии Страбон восполнил путешествиями, обнимавшими Малую Азию, Элладу, Испанию, Египет; подолгу он оставался в Афинах, в Риме и в Александрии.

Главными источниками служили ему Эратосфен, Артемидор, Аполлодор из Афин, особенно в известиях о Греции; Полибий и Посейдоний – в описании Иберии, Кельтики, Италии; Антиох – в известиях о Сицилии и Нижней Италии; Феофан, историк походов Помпея на восток; из Мегасфена, Неарха, Онесикрата он выписывал целые страницы об Индии и соседних к ней землях. Гораздо меньше пользовался Страбона римскими писателями, но Галлию он описывает по Ю. Цезарю; описания походов Августа, записки Агриппы служили ему источником для многих измерений и для известий об альпийских народах. Через этих писателей ему были известны многие другие. Бесспорным достоинством «Географии» Страбона остается чрезвычайное разнообразие и обилие сведений об известных в то время странах и народах. Для русской науки имеют значение показания его о европейской и азиатской Скифии, о Кавказе и закаспийских землях. Изложение его просто и ясно в описательной части, но не в двух первых книгах.

САРМАТЫ

Они во времена Геродота играли второстепенную роль, обитая тогда за Доном, в его левобережье. Сразу же заметим, что название «сарматы» (или «савроматы», что в греческом языке имело смысл «ящероглазые») впоследствии приняло такой же неопределенный характер, какой имел ранее и термин «скифы» в широком употреблении. Сарматы принадлежали (как и скифы) к индо-иранской языковой семье. Наиболее близкими к скифам и сарматам современными нам продолжателями этой языковой традиции являются теперешние осетины. Это совершенно определенно установлено исследованиями многочисленных ученых. Что касается употребления географического названия «Сарматия», то оно после падения скифского господства в степях под давлением сарматов заменило собой термин «Скифия», приняв тот же обобщенный смысл.

Племена сарматов еще сохраняли многие черты матриархата – не случайно греки называли их «женоуправляемые»! Что, впрочем, не смягчало свирепости их нравов. Скорее всего, Рим «задавал программу» сарматам. Именно Рим скупал рабов, поставляемых сарматами через черноморские порты и греческие колонии. Важно отметить, что от сарматского натиска ушли на север многие славянские племена. И вместо старых славянских племен – антов, склавинов, венедов – стали возникать новые. Чаще всего племенам присваивались имена вождей, уведших соплеменников от смерти или рабства, – Радимичи, Вятичи... Или новых мест их обитания – например Дреговичи от «дрягва» – болото.

Я рассказываю обо всех этих племенах и событиях лишь с той целью, чтобы показать, как давно это было. Ни один из тех народов не существует сегодня. И еще даже не выделались те племена, которые создадут впоследствии славянское государство – Киевскую Русь.

Страбон еще на заре I тыс. н. э. говорил о сарматах-аорсах, владевших «почти что большею частью побережья Каспийского моря, и поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и индийцев». Вот тут-то и таится некая «запятая», как говаривал Н. В. Гоголь. Первый русский историк В. Н. Татищев, опираясь на утраченные ныне (или пока) источники, причислял сарматов к народам угро-финской группы. На первый взгляд – нелепица. А по размышлению – не совсем. Среди сарматов древние авторы различали много племен, обозначения которых в исторических источниках в разное время появлялись и исчезали, заменяясь другими, так что в большинстве случаев, вероятно, эти обозначения относились чаще всего к объединениям типа племенных союзов. Таковы были аланы, роксоланы, аорсы, языги и др. Если в среде народов, объединенных общим названием «скифы», есть упоминание о каких-то монголоидах, а Б. А. Рыбаков и другие великие историки явственно прослеживают в части племенных предков славян, то почему бы не допустить, что и среди сарматов не было этнического и даже расового единообразия.

– Где финны?! А где сарматы!

– Рядом! Нижнее Поволжье, Южный Урал, Верховья Оби – угро-финны! Родина будущих гуннов – Южное Зауралье. Волга, чуть не до нынешней Казани, Башкирия, юг Дона – место проживания предков венгров, то есть угров. Эта версия тем более становится правдоподобнее, когда мы постоянно находим в культуре древних угро-финнов и финнов следы влияния народов иранской группы. Обмен культурами и генами тут и происходил: на северном берегу Каспия и в Нижнем Поволжье. Так что же получается, сарматы тоже конгломерат племен и рас? Именно так! И приведу я слова замечательного ученого Артамонова, который в самые глухие сталинские годы, когда все было «просто и очевидно», а «СССР – родина слонов!», сказал: «Множественность сегодняшних этносов на планете предполагает аналогичную и в прошлом!» Следует думать, что славянство в первые века н. э., а возможно, и несколько ранее, находилось в соприкосновении с сарматами, но здесь не было слияния двух племенных групп. На сильное отличие от сарматов – хозяйственное и вообще этнографическое – несомненных предков славянства венедов (венетов) указал в I в. н. э. Тацит. В 100 г. сарматы подошли к Риму...

На рубеже античного времени и раннего Средневековья потомкам сарматов все чаще присваивается наименование «аланы»; впоследствии их языковые наследники носили название «асы», или (в русских летописях) «ясы» (предки теперешних осетин).

Аланы

Народ, часто упоминаемый во время переселения народов между германскими племенами, но принадлежащий в действительности к скифскому племени, которое, в свою очередь, также часто причисляется к арийцам. Аланы обитали сначала на Кавказе; оттуда они – прекрасные наездники и стрелки – распространили свои владения к северу до Дона и предпринимали частые набеги в Армению и Малую Азию; против этих набегов уже царь парфянский Вологез искал защиты у Веспасиана, с ними в царствование Адриана боролся Арриан в качестве наместника Каппадокии, и отрывок составленного им описания этой войны дошел до нас. Будучи завербованы Аврелианом для войны с Персией, они после его смерти опустошали Малую Азию, пока император Тацит в 276 г. после Р. Х. не заставил их возвратиться в занимаемые ими прежде местности. Почти 100 лет спустя, около 375 г., они, в союзе с гуннами, разгромили царство короля остготского Германриха, вытеснили остготов из местностей между Доном и Дунаем, присоединились к великому движению народов на Запад и затем в 406 г. в союзе с севевами и вандалами вторглись в Галлию. Часть их, поселившаяся в местностях южнее Луары, в 451 г. является в числе союзников Боэция в борьбе его с Аттілой и была позже мало-помалу уничтожена. Другая часть в 409 г. перешла в Испанию, была там разбита соединившимся с римлянами вестготским королем Валлией (418) и отеснена в

Лузитанию, где их имя исчезает. В Верхнюю Италию вторглись еще в 464 г. толпы алан, но были разбиты Рисимером. В позднейшую, Византийскую, эпоху аланы упоминаются еще и на Кавказе.

Саки

В то же самое время идет длительная и кровопролитная война Парфии – одного из древнейших государств Средней Азии – с кочевым племенем саков. Это те самые саки, что придут потом в Крым под именем «кос-саков» и доживут до наших дней в топонимах – географических названиях. Знаменитые пазырикские курганы и курганы на Алтае – создание саков.

Современники и соседи

Вся географическая зона европейских лиственных лесов и лесостепей оказалась занятой. Там шла оседлая жизнь, и на первое место вышло земледелие.

«При новом географическом раскладе, – пишет академик Б. А. Рыбаков, – новые соседи начали налаживать связи, выравнивать особенности племенных диалектов и создавать, впервые на большом пространстве, новые родственные друг другу языки: в западной части получивший название – германского, в средней – славянского и в северо-восточной – литовско-латышского. Название народов появилось позднее и не связано с этой первичной консолидацией родственных племен вокруг трех различных центров: западного германского, восточного балтийского и срединного славянского».

Иными словами, если бы кто-нибудь из людей того времени воскрес и ему сообщили бы, что он славянин, латыш или германец, он бы сильно удивился, а скорее всего, даже не понял бы, о чем идет речь. Вот какие народы населяли тогда лесостепную зону Европы.

По северному побережью нынешней Франции, по берегу Балтийского моря, с запада на восток, включая середину Европы, двигались кельты. Кельты граничили с германцами, не пустившими их на восток.

От Балтики к югу – германцы и славяне. Южнее жили италики и иллирийцы. Дальше и восточнее – даки, фракийцы. Еще восточнее – иранцы – скифы, сарматы (уже смешавшиеся с уграми).

Севернее фракийцев и иллирийцев – славяне. Севернее скифов и сарматов – финны. Между финнами и южными славянами, между германцами, славянами северными и финнами – балты.

В степи – еще большая пестрота, потому что степь, повторяю, всегда дорога! В степи все движется. Хотя существовали в степи племена, что проживали тут постоянно, цепляясь своими стоянками за реки и озера. С юга Великую степь крепко подпирали Черное море и Кавказ. А на Кавказе свои очаги «праотцев». Свои народы, они тоже не сидят на месте, а взаимодействуют со всем окружающим их миром.

Как давно это было? А с чем можно сравнить удаленность во времени? Есть очень неудобное свойство человеческой памяти – **абберрация**. Это значит искажение исторического пространства. Нам, например, кажется, что XV в. до Рождества Христова – это совсем рядом. Но это расстояние от нас в три с половиной тысячелетия! У человечества и письменных памятников того времени почти нет!

Человечество очень многое забыло о том своем прошлом в, казалось бы, так близко отстоящем от нас времени. А потому – низкий наш поклон археологам! Каждая раскопка приоткрывает перед человечеством жизнь тысячелетней давности, наполняя ее сведениями, находками, деталями. Археологи как бы расправляют ссохшиеся страницы истории.

ФРАКИЙЦЫ

Фракийцы, неоднократно упоминаемые античными писателями, в том числе Геродотом, были, по их мнению, одним из самых многочисленных народов на земле.

Фракия занимала значительную часть Балканского полуострова (на севере) и прилегающие земли (теперешние Югославия, Болгария и Румыния). Фракийских племен очень много: бессы, карпы (отсюда название Карпаты), одризы, мизы, трибаллы, геты, даки, кробизы и десятки других; частью это мелкие племена, частью племенные объединения значительных размеров (одризы с V в. до н. э., позже – даки). Среди фракийских племенных имен нет ничего напоминающего славянские, хотя соприкосновение славян с фракийцами (особенно с даками в первые века н. э.) не подлежит ни малейшему сомнению.

Сохранившиеся в древних источниках остатки фрако-фригийских языков побуждают признать их лингвистическую принадлежность к индоевропейцам; наиболее близким к их языку является, по-видимому, армянский. Их несомненными языковыми родичами были малоазийские фригийцы, носившие и название, родственное имени фракийцев. Много следов тесного соприкосновения с индо-иранской семьей, что, конечно, вполне естественно в силу соседства со скифами и сарматами. Существует мнение, не лишенное оснований, о родственной связи фрако-фригийцев и армян с киммерийцами.

По-видимому, иллирийские племена также имели к фракийским некоторое отношение, но были ли здесь родственные связи или соседство, решить трудно.

Иллирия, иллирийцы

В древности Иллирия – общее название местностей к западу от Фессалии и Македонии и к востоку от Италии вплоть до р. Истра. Впоследствии стали делать различие между греческой Иллирией и варварской. Первая называлась новым Эпиром и представляла собою полную известковых горных цепей и прекрасных пастбищ страну, которую ограничивали Эпир, Македония, горы Скард и р. Дридон. Тут уже рано поселились греческие колонисты; в 627 г. выходцы из Коринфа и Коркиры основали здесь г. Эпидамн, или Диррахий (н. Дурраццо), на южном конце узкой материковой косы. Другой эллинский город – Аполлония (ок. Поианни и Стилази) был построен на берегах р. Аоя также в VII в. до Р. Х. Внутри страны жили многочисленные племена иллирийцев, иногда соединявшиеся под предводительством племенных старшин и царей. Царек иллирийцев Бардалис вступил в борьбу с Филиппом Македонским, был побежден и принужден уступить большую часть своих владений. Царская власть, однако, сохранилась у преемников Бардалиса, и Иллирийское царство вскоре, помимо части нового Эпира, получило земли от р. Дрина до островов Фара и Иссы.

При царе Агроне (ум. в 231 г.) из племени ардиев иллирийцам удался набег на греческую Акарнанию. После него правила его вдова Тевта. Ей удалось победить ахейцев и этолийцев и взять Коркиру. Это вызвало вмешательство римлян, пославших в Иллирию войско. Римляне менее чем за два года покорили всю страну. В результате греческие города Иллирии были объявлены свободными, так же как и часть народов нового Эпира, а Тевта обязалась платить дань (228).

В 168 г. потомок Агрона Гентий заключил союз с Персеем македонским и начал войну с римлянами; в 30 дней война была окончена, он взят в плен. Иллирия разделена на три республики, а по окончании войны перешла к римлянам и была соединена с провинцией Македонией.

Северная, или варварская, Иллирия входила в состав царства Агрона. Эта страна очень гористая. Страны, лежавшие здесь, были плодородны, производили достаточно оливкового масла и вина, хотя мало обрабатывались местным населением, больше промышленным грабежами. Жители этой части Иллирии – неизвестного происхождения: одни считают их славянами, другие – фракийцами; несомненным считается происхождение нынешних албанцев от какого-нибудь из древних племен Иллирии. Об одном из племен – яподах – Страбон сообщает, что они были татуированы (*κατάστικτοί*) подобно другим иллирийцам, фракийцам. Другие племена – либурны, или либирны, – первоначально имели поселения и в Верхней Италии. Они занимались мореходством и особенно славились своими небольшими быстро-

ходными барками (лембами); они рано подчинились римлянам. Главнейшими среди иллирийцев были далматы, первоначально союз племен (буллинов, гиллинов, нестов, маниев), группировавшихся вокруг города Далмион, или Делмион. Потребовался целый ряд походов (консулов Г. Марция, Метелла, Сципиона Назики, потом Ю. Цезаря, Антония и Августа), чтобы окончательно покорить далматов; последний поход против них был предпринят Стацием Тавром в 23 г. до Р. Х.

После великого Паннонского восстания (6–9 гг. по Р. Х.) Иллирия вместе с вновь приобретенными и покоренными землями была разделена на две провинции, Паннонию и Далмацию. Со времен Траяна и императора Марка Аврелия треть римской армии стояла постоянно лагерем в Иллирии, вследствие чего вся эта провинция имела характер вооруженного лагеря. Начиная с Септимия Севера Иллирия была самой важной из частей Римской империи.

Славяне, антропологический тип

Из некоторых скудных известий греческих, римских и арабских писателей можно сделать заключение, что в эпоху выхода их на историческую сцену и первых столкновений с культурными народами славяне представляли собою определенный расовый тип, отличный как от типа южных народов области Средиземного моря, так и от типа германцев. Древние писатели упоминают о высоком росте, крепком сложении, румянном цвете лица и русых волосах славян, но характеризуют их менее определенно, чем, например, рослых, белокурых и голубоглазых древних германцев.

В отношении южных и западных славян – сербов, хорватов, словенцев, чехов – известно, что они отличаются высокорослостью, преобладанием темной комплекции (темных волос и глаз) и резко выраженной брахицефалией (показатель ширины головы 86–83); в этих признаках, особенно в высокорослости и широкоголовости, западные и южные славяне сходны со своими соседями, немцами Тироля, Швейцарии и Баварии, которых иные антропологи относят к «альпийской», или «динарской», расе. Тип этот идет и далее на восток; современные болгары (по исследованиям Бассановича) также отличаются крайней брахицефалией (index 85) и преобладанием темной комплекции при росте выше среднего.

Несколько ниже, хотя тоже короткоголовые, с преобладанием темнорусости, словаки и русины в Галиции; еще ниже ростом и более светловолосы поляки; наоборот, горалы в Карпатах отличаются сравнительно темноволосостью. Эта зона высокорослости и короткоголовости продолжается и на территории Южной России, у малорусов, проникая более или менее и на север, в область великороссов, особенно на западе, в некоторых уездах Псковской и Новгородской губерний, которые вместе с соседними Прибалтийскими губерниями (населенными эстами, ливами, латышами, немцами), а отчасти и литовскими (Ковенскою и др.) образуют второй (после южного), выраженный даже еще резче, центр высокорослости в России. Но здесь, в России, средний рост славянского населения (особенно бело- и великорусов) уже заметно ниже, чем у юго-западных славян; темноволосость начинает уступать светловолосости, темные глаза – серым, форма черепа становится менее брахицефальной (83–81). Белокурость и светлорусость замечаются особенно часто у латышей, литовцев, затем у белорусов и поляков, что дало повод немецкому писателю (Poesche) предполагать центр распространения белокурой расы именно в бассейне Припяти, в области, прилегающей к Пинским болотам. Гипотеза эта основывается, однако, на слишком слабых, непроверенных данных. Хотя славяно-русское население выказывает и большую светловолосость, чем западные и южные славяне, тем не менее его нельзя назвать белокурым. В центральных русских губерниях, как показали исследования доктора Воробьева и др., чистые блондины (с белокурыми, льняными волосами), как и чистые брюнеты, встречаются очень редко, в общей сложности – не более 8 %, а чистые блондины (с голубыми глазами) – еще реже (2–1 %). Все светло-русые дают 40–49 %, темно-русые (и черные) 51–60 %; таким образом,

темно-русые преобладают над светло-русыми. Немногим отличаются в этом отношении от великоруссов и белорусы; они дают также до 52 % темно-русых, и только процент светлых (голубых и серых) глаз у них несколько больше. Новейшие наблюдения над литовцами также показывают, что процент темноволосости и темноглазости у них больше, чем принималось раньше. Вообще, русские не могут быть названы белокурым племенем, и хотя они менее брюнеты, чем западные и южные славяне, темнорусость и у них несколько преобладает над светло-русостью, точно так же, как и процент темных глаз над процентом светлых (у великоруссов 50–60 % темных и 40–50 % светлых). Есть поэтому основание полагать, что и в первоначальном своем типе славяне не были белокурыми и что эпитет «ξανθός», придаваемый им греческими писателями, должен быть понимаем как «русый», «каштановый», несколько более светлый, вероятно, чем у южан, но не белокурый.

Таким образом, население Средней России IX–XI вв., оставившее по себе курганы, было, несомненно, высокорослым и темноволосым. Меньшая широкоголовость русских славян сравнительно с западными и южными может быть объясняема двояко: или первоначальная брахицефалия славян несколько уменьшилась на русской почве вследствие смешения с менее брахицефальными племенами, или, наоборот, западные и южные славяне уклонились от первоначального типа вследствие смешения с брахицефальной альпийской расой. Возможность последнего нельзя отрицать, но и первое до известной степени допустимо. Правда, большинство современных финнов – финляндцы, карелы, мордва, вотяки и др. – короткоголовые, но среди финнов прибалтийских уже заметна наклонность к мезо- и даже долихоцефалии, а еще более – у угро-финнов, вогулов; последние живут теперь далеко на востоке, за Уралом, но раньше они жили по сю сторону Урала, данные же языка, названия рек и проч. свидетельствуют, что угро-финны населяли некогда и всю Среднюю Россию с областью Москвы включительно; черепа из древних Болгар (ныне Казанская губерния) также доказывают большую долихоцефалию древнего населения Среднего Поволжья. Дальнейшие исследования должны выяснить, насколько в образовании славян участвовали также высокорослый, долихоцефальный и белокурый элемент (тевтонский), низкорослый, долихоцефальный и темноволосый (средиземный) и другие, а также, если возможно, восстановить вероятный древнеславянский тип и последовавшие с течением времени под влиянием разных воздействий и причин уклонения его и изменения (*Энциклопедия Брокгауза и Эфрона*).

Славянская мифология и религия славян

Религия славян слагалась из обоготворения сил природы и культа предков. Единым высшим богом, «творцом молнии», каким был у индусов Индра, у греков Зевс, у римлян Юпитер, у германцев Тор, у литовцев Перкунас, у славян был *Перун*. Понятие о божестве-громовнике сливалось у славян с понятием неба вообще (именно – движущегося, *облачного неба*), олицетворение которого некоторые ученые видят в *Свароге*. Другие высшие боги считались сыновьями Сварога – *Сварожичами*; такими богами были солнце и огонь. Солнце обоготворялось под названием *Дажбога*, а также *Хорса*; хранитель стад *Велес*, или *Волос*, первоначально тоже был солнечным богом. Все очень древние и употреблялись *всеми* славянами. Общеславянские представления о высшем боге получили у отдельных славянских племен дальнейшую разработку, новые, более определенные и более причудливые формы. Так, у балтийских славян высшим богом считался *Святовит*, и ему соответствовал *Триглав* – трехголовый идол, которому поклонялись в Штеттине и Волине. В городе Ретре тот же высший бог, сын Сварога, носил название *Радегоста*, а в чешских и польских преданиях он фигурирует под именем *Крока*, или *Крака*.

Крак, по сказанию Козьмы Пражского, был мудрый и справедливый судья и правитель народа. Дошедшие до нас смутные свидетельства о славянских богах, находящие разъяснение в народных сказках и песнях, сводятся к борьбе светлых и темных сил природы, плодородия с бесплодием, лета с зимой, света с тьмой, жизни со смертью, Белбога с Чер-

нобогом. С этими представлениями переплетались воззрения на загробную жизнь и культ предков. Души усопших обитали в какой-то отдаленной стране на конце света, там, где заходит солнце; страна эта называлась у славян *навьем, раем, пеклом*. В эту страну надо снаряжать покойника, как в далекий путь, что достигается надлежащим погребением. До совершения похоронного обряда душа скитается на земле; у южных славян душа в этом состоянии носит название *видогоня*. Душа обречена на вечное скитание на земле, если правильный обряд не был выполнен; так, души девушек или детей, утонувших в воде, становятся *русалками, мавками, вилами*.

Чтобы облегчить покойному путешествие в царство мертвых, славяне прибегали к сожжению: огонь погребального костра вмиг отделял душу от тела и отправлял ее в райские жилища. С одной стороны, огонь был проявлением на земле небесного солнечного бога, посланником небесных богов; с другой стороны, он способствовал очищению души покойника и таким образом сам превратился в символ души предка, которая под именем *Рода, Чура, дедушки домового* (см. Домашние боги) становилась домашним божеством, охранителем семьи и рода. На очаге оба эти значения огня слились в одно нераздельное целое; на нем одинаково чествовались стихийный небесный бог и родовое божество семейной общины. Это двойственное значение огня находит наиболее яркое подтверждение в поверье западных славян о домашнем существе (чешское название его «Křet», словенское «Skrat»), которое под видом огненного змея прилетает через трубу и приносит хозяину хлеба и плодов земных, а иногда и разные сокровища. В Тульской губернии существует поверье, что со дня Крещения (зимний солнцеворот) появляется огненный змей (солнце), навещающий красных девушек (землю). К тому времени, когда среди славян стало распространяться христианство, мифология не создала еще таких отчетливых представлений о богах, к каким пришли, например, греки, и не имели еще ясных антропоморфных черт. И культ предков у славян не вылился еще в такие отчетливые, законченные формы и не имел таких строгих юридических последствий, как у греков и римлян, не было строгой обрядности и особого жреческого сословия. Только у балтийских славян мы находим прочную религиозную организацию: жрецов, совершавших богослужение по известному чину, с известными обрядами, имевших иерархическое устройство и с течением времени приобретших значение первенствующей касты. У прочих славянских племен не было ни общественных кумиров, ни храмов, ни жрецов; жертвы родовым и небесным богам приносили представители родовых союзов. Русские славяне лишь под влиянием варягов пришли к мысли изображать своих богов в идолах.

При Владимире впервые появляются на Руси языческие храмы, вероятно, им же сооруженные, где он, по словам саги об Олаве Тригвесоне, сам приносил жертвы. Но при том же Владимире введено в России христианство, которое положило конец развитию язычества, хотя и долго еще не было в состоянии вытеснить остатки языческих верований. По принятии христианства народное сознание славян смешало новую веру со старою, частью слило своих недоделанных богов с христианскими святыми, частью низвело их в положение «бесов», частью сохранило верность своим родовым богам. Козьма Пражский (ум. в 1125 г.) рассказывает: «...и доселе между многими из поселян, точно между язычниками, иной чтит источники или огни, иной обожает леса или деревья, либо камень, иной приносит жертвы горам или холмам, иной кланяется идолам, глухим и немым, которые сам себе сделал, моля, чтобы они правили домом его и им самим». Под этими идолами Козьма понимает, очевидно, домашних богов, которые у чехов назывались *скритками* и *шетками*, у русских – домовыми и т. д.; чешский домовый Křet изображался у чехов в виде маленьких бронзовых статуэток величиною с палец, отчего он и назывался *Paleček* (мальчик с пальчик).

Славяне представляли себе весь круговорот времен года в виде непрерывной борьбы и поочередной победы светлых и темных сил природы. Исходной точкой этого круговорота было наступление нового года – рождение нового солнца. Языческое содержание этого

праздника славяне влили в празднование Рождества Христова, и самое празднование святок получило у них греко-римское название – *коляды*. Обряды, которыми славяне-язычники встречали наступление весны и летний солнцеворот, также в большей или меньшей степени приурочены были к христианским праздникам: таковы русалии, или семик, купало. При языческом характере праздников название праздника превращалось в название божества, в честь которого некогда он совершался. Таким образом, явились «мнимые боги» вроде Ярилы Костромы и т. п., число которых увеличилось благодаря обличительному усердию христианских миссионеров, не вдумывавшихся в общую религиозную мысль славян и видевших во всяком названии особого бога.

Глава вторая

Великое переселение народов (русский – чей?)

Пришли иные времена

Для всего будущего мира эти новые времена исчисляются с Рождества Христова. То есть с 1-го года I тыс. новой эры. Однако этого глобального события в те времена мир в большей части своей не заметил. Более того, и новое летосчисление-то началось только в XV веке.

I век новой эры – век мирового господства Рима. В 26–36 гг. н. э. Понтий Пилат – наместник Иудеи. (Все остальное об этом времени и событиях – в Евангелии.)

В 43 г. римляне завоевывают Британию – крайний запад тогдашнего мира. Но нам гораздо интереснее римский император Траян, правивший с 98 по 117 г. н. э., при нем Римская империя достигла максимальных размеров. Траян завоевал Дакию (современная Румыния); как говорится, «ворохнул» древних германцев и славян, что кончилось для Рима плачевно. Начиная с 200 г., германцы непрерывно атакуют границы Римской империи. Но нас интересуют не, так сказать, «центральные» исторические народы, кого мы знаем чуть ли не поименно, а окраины тогдашнего «цивилизованного» мира, где жизнь клокотала и бурлила так же напряженно, как и вокруг Средиземноморья.

Итак, скифов сокрушили родственные им свирепые и не помнящие родства сарматы. Славяне, точнее праславяне, вынуждены отойти за Днепр. И тут с севера нагрянули готы, рассекли славяно-скифский мир, заняли Приднепровье и создали огромную, правда недолговечную, державу от Рейна до Волги. Марш готов от берегов Балтики до Черного моря ознаменовал собою начало целой новой исторической эпохи, перекроившей весь тогдашний мир, – Великое переселение народов. Первыми движение на новые места начали германцы. Вот с них и начнем разговор.

Германцы

Древнейшая родина германцев – на Эльбе и Одере, Балтийское море на севере и горы, окаймляющие Богемию, на юге. На западе, между Эльбой и Везером, реки носят явно кельтские названия. На востоке до Вислы это славяно-литовское название. Соответственно, ближайшими соседями германцев на Западе были кельты, на Востоке – славяно-балтийцы, к ним, еще в доисторическое время, присоединились в Прибалтике и в Южной Скандинавии прафинны. Это доказывается многими фактами языка и древнейшей культуры германцев. И наоборот: много лексических заимствований сделано было славянами и финнами у германцев. Множество кельтских слов, входящих в состав германского лексикона, доказывает также сильное культурное влияние кельтов на древних германцев. Само имя – *германцы* – кельтского происхождения и означает «близко живущие соседи» (гальск. «*ger*» – «сосед»). Оно употреблялось кельтами первоначально (еще в эпоху Цезаря) для обозначения некоторых кельтских племен на левом берегу Нижнего Рейна. Но уже в I в. до Р. Х. перенесено и на германцев, а первоначальное значение слова забылось.

Прямые известия о германцах начинаются с IV в. до Р. Х. К этому времени германцы заняли области на западе до нынешней Северной Голландии, на юге – до Майна и Среднего Рейна.

В IV в. кельты-волки («*volcae*»), занимавшие средненемецкие возвышенности и бассейн Майна, сдвинулись на юг, а их владения заняли германцы (хатты и маркоманы). Воспоминание о доисторических соседях, волках, сохранилось у германцев в названиях, какими именовали то кельтов (ср. англ. «*Wales*», «*Cornwales*»), то романцев, явившихся преемниками кельтов (нем. «*welsch*» = «романский», «*Welschland*» = «Италия»). Это же слово пере-

шло от древних германцев к славянам: «влах», «волох». Кроме того, в глубокой древности германцы заселили Датские острова и Скандинавию.

Первое известие о германцах принес античному миру Пифей, грек из Массилии, около 330 г. до Р. Х.: на берегах нынешнего Гельголандского залива он познакомился с народом тевтонов. Двумя столетиями позже тевтоны и кимвры двинулись на юг и ударили по римским владениям. Но еще до этого первого серьезного столкновения с Римом греки успели познакомиться с германцами-бастарнами, что незадолго до 182 г. двинулись со Средней и Верхней Вислы на юг и скоро смешались с сарматами и славянами на юге нынешней Украины.

С нашествия кимвров и тевтонов на Италию (113–101 гг. до Р. Х.) уже почти не прекращаются известия римских и греческих историков о германцах. Юлий Цезарь, завоевывая Галлию, хорошо их узнал. К этому времени германцы успели проникнуть на западный берег Рейна. Для предупреждения нашествий германских племен на новые римские владения в Галлии он предпринял ряд наступательных походов за Рейн. Друз, пасынок императора Октавиана Августа, довел римские легионы до Эльбы, повсюду проводя дороги и строя укрепления.

В 9 г. н. э. началось восстание всех германцев, и покоренных, и непокоренных, во главе стоял херусский князь Арминий, или Герман, разбивший (9 г. н. э.) римского полководца Вара. Германцы заманили римлян в Товбургский лес и уничтожили всех. Удалось уйти небольшому отряду конницы. Это, глядя на отрубленную голову Вара, доведшего германцев до восстания, Август причитал: «Вар, Вар, где мои легионы!»

Победа Арминия навсегда уничтожила надежду римлян на завоевание германцев. Цезарь Германик успешно воевал с Арминием (в 16 г.), но уже римский император Тиберий навсегда оставил план завоевания Германии. Если римляне и вступают иногда в область германцев, то исключительно для защиты собственных земель, доходивших до Рейна и Дуная. Для сокращения и укрепления огромной пограничной линии была создана в период времени между Тиберием и Адрианом искусственная граница в виде вала и укреплений – так наз. *limes*. Две главные ее части – задунайская (*limes transdanubianus*) и зарейнская (*transrhenanus*) – шли не параллельно обеим рекам, а перерезывали Южную Германию почти диагонально с юго-востока на северо-запад, так что значительная часть нынешней Баварии, Вюртемберга и Бадена оказалась по эту сторону вала, под властью римлян. Они – так называемые *agri decumates* – подверглись сильному римскому влиянию, так как оставались во власти Рима до начала IV в. Многочисленные развалины, надписи и археологические находки свидетельствуют и теперь еще о прежнем господстве римлян в этих областях.

Переход римлян от наступательной политики к оборонительной и вызванная ею постройка вала надолго остановили движение германских племен. Германцы были вынуждены перейти к интенсивной обработке почвы и оседлому образу жизни. Юлий Цезарь знает их еще полуохотниками, полужемледельцами, легко перекочевывающими с места на место, а германцы времен Тацита – народ уже вполне земледельческий и оседлый. У них развилась и окрепла государственность. Возникли новые племенные группы, с новыми названиями.

Все германцы в I в. н. э. распадаются на три большие группы: западную, восточную и северную. *Западногерманская* группа занимает почти всю нынешнюю Германию, Голландию и часть Ютландского полуострова. Народности, входящие в ее состав, связаны общим этногоническим преданием: они ведут свой род от бога Tuisco (Tuisto?), у которого был сын Mannus (первый человек), имевший, в свою очередь, трех сыновей, родоначальников трех ветвей западногерманской группы: ингвеонов, герминонов и истевонов (имена их эпонимов, восстанавливаемые различно, представляют собой, вероятно, прозвища богов Fro, Zio и Wuotan. *Ингвеоны* живут на берегу Океана (т. е. Немецкого моря); они составляют зерно позднейшей «нижненемецкой» ветви, и в их состав входят, между прочим,

фризы (в нынешней Северной и Средней Голландии и на восток, за Эмсом), хауки (также на берегу Немецкого моря между Эмсом и Нижней Эльбой), саксы (на правом берегу Нижней Эльбы), англы (к северу от саксов?). *Гермионы* занимают среднегерманскую полосу (впоследствии средне- и верхненемецкие народы?). В их состав входит могущественное племя свевов (имя которых сохранилось в *Швабии*), делившееся на много мелких народностей, связанных общим религиозным культом; центр этого культа находился в нынешнем Бранденбурге, где жили свевы-семноны. К свевам принадлежали, между прочим, маркоманы (в Богемии, занятой ими в начале I в. по Р. Х.) и квады (в нынешней Моравии и Северо-Западной Венгрии). В состав гермионской группы входят еще гермундуры, занимавшие обширную область между Средним и Верхним Майном и Средней Эльбой (из них вышли потом тюринги). Наконец, гермионскими же народностями следует, вероятно, считать лангобардов, на левом берегу Средней Эльбы, и херусков, от Тевтобургского леса до Гарца. Название *истевонов* обнимало, вероятно, прирейнских германцев, между которыми следует отметить, как наиболее сильные народности, хаттов (на правом берегу Рейна; предки позднейших гессенцев), убиев (главный город – ныне Кёльн, древний *Ubiogum civitas*, с 50 г. по Р. Х. *Colonia Agrippinensis*) и батавов (на островах, образуемых Нижним Рейном); сюда же относится множество мелких народностей – хамавы, тубанты, тенктеры, сигамбры, бруктеры, ангриварии и т. д. Они все появляются в области Нижнего Рейна и вошли впоследствии в состав салийских и рипуарских франков. *Восточногерманская* группа занимает области между Одером и Вислой, несколько заходя за первую реку на юге и за вторую на севере. Важнейшими представителями ее являются готы (на восток от Нижней Вислы, приблизительно до Немана; они еще не распались на ост- и вестготов) и ближайшие их родичи – гепиды (около устьев Вислы); на запад от последних – ругии (в нынешней Северной Померании), южнее – бургунды (между Средней Вислой и Одером, в нынешней Познани); еще южнее – лугийские народы, к которым принадлежат вандалы в нынешней Силезии. К той же восточной группе принадлежат, вероятно, бастарны и скиры.

Северногерманская, или скандинавская, группа (у Плиния – *Hilleviones*) занимает южные области Скандинавского полуострова (средние и северные заняты еще финнами), Датские острова и Северную Ютландию. В ее состав входят гауты (в Южной Швеции, ныне *Götarike*; они ничего общего с материковыми готами не имеют), свеи (севернее гаутов), даны (на Датских островах), герулы (впоследствии выселившиеся на материк) и юты (?). Это расположение германские народы сохраняют до второй половины II в., если не считать незначительных передвижений на запад. Цепь римских укреплений на прирейнской и придунайской линиях сдерживала германские народности в прежних границах. Но быстрый рост населения заставил, наконец, германцев прорвать эту цепь. Наступательное движение, продолжавшееся до VI в. включительно, носит название Великого переселения народов. Успех движения был обеспечен переменами, происшедшими в государственной жизни германцев: вместо множества мелких народностей I в. мы находим к началу III в. в западногерманской группе лишь несколько племенных названий: алеманов – на Майне и Среднем Рейне (с 213 г.), франков – на Нижнем Рейне (ок. 242 г.), саксов, в более широком значении (в конце III в.), тюрингов – на месте древних гермундуриков (в начале V в.); наконец, последними выступают баювары (баварцы) на Среднем Дунае, в конце VI в.

Процесс разъединения и бесконечной дифференциации, который неизбежно связан с кочевой жизнью при возможности расширения внешних границ, заменился процессом единения, сплочения. Единение это не случайно и не произвольно: решающее значение имели ближайшее соседство и родство по языку и религиозному культу. Древние народности не погибли и не уступили места новым: они вошли в состав новых племенных союзов, которые, впрочем, не представляют еще твердого политического единства, а управляются рядом

независимых князей, лишь на время войны выбирающих общего предводителя (*herizogo* = *Herzog*).

Великое переселение народов закончилось занятием германцами всех западноримских областей. Дальнейшие судьбы германского мира принадлежат уже истории отдельных обособленных народов. Самое широкое распространение германское племя получило в начале VI в., когда в его руках оказалась вся Западноримская империя, не исключая и африканской ее провинции. Многие германские народы бесследно исчезли в борьбе с античным миром, другие слились с туземным населением (франки, в нынешней Франции), третьи, наконец, в смешении с новыми элементами переродились в новые народные типы (англичане).

Нравы и обычаи германцев

Точные известия о внутреннем быте древних германцев начинаются со времени Цезаря. Носителем высшей законодательной и политической власти повсюду является вече. Выбираемые им представители исполнительной власти у некоторых (восточногерманских) народов уже с древнейших времен облечены королевским саном. Они ответственны перед народом, и власть их *de jure* не наследственна, хотя на самом деле она обыкновенно оставалась в известном роде, если и не переходила от отца к сыну. Попытка создать закон правильного престолонаследия встречается лишь в V в. у вандалов. Родовое начало, лежащее в основе древнегерманского общественного и военного быта, сказывается и в способе разделения земли между членами народности (Германское право). Религиозная жизнь древних германцев основывается на началах, выработанных у индоевропейского пранарода. Вследствие этого основные черты германской мифологической системы общие у всех германцев, что отражается в общих названиях главных божеств (западнгерманск. *Wôdan*, *Wuotan* = скандин. *Odinn*, зап. *Zio* = сканд. *Tyr*, зап. *Frô* = сканд. *Freyr* и т. д.). Но уже в древнейшую, доисторическую эпоху религиозная жизнь получает самостоятельное развитие среди отдельных народностей и народных групп. Христианство распространилось среди южных германцев сравнительно рано (с III в.), тогда как религия скандинавского севера, куда христианство проникает лишь в VIII–IX вв.

Древние германцы носили плотно прилегавший кафтан, поверх которого накидывали кусок грубой шерстяной материи или шкуру. Одежда женщин состояла из рубашки без рукавов, полотняного плаща с застежкой и поясом. Обувь употреблялась только богатыми. Дома строились деревянные, с крышей из соломы, тростника или досок; они располагались обыкновенно поселками; каждый дом был окружен двором или садом. Позднейшие города возникли отчасти из римских поселений, отчасти из небольших крепостей, к которым с течением времени примыкали дома. Жизнь германца проходила в охоте и войне; домашние и сельские работы лежали на обязанности женщин, рабов, стариков – словом, всех неспособных носить оружие.

Семья германца держалась всецело на власти отца семейства или ближайшего кровного родственника. С детства германцы приучали тело к труду и лишениям. Юноша получал в народном собрании от отца или знатного человека свое первое оружие, с которым никогда уже не расставался; но полное гражданство давала только собственность. Женщина никогда не выходила из опеки: сначала она всецело подчинялась главе семейства, а с выходом замуж поступала в полное распоряжение супруга, который покупал у ее родственников, свадебным даром, опеку над ней. Однако положение женщины было почетное: брак почитался священным, многоженство не встречалось, супружеская измена строго наказывалась. В доме полной хозяйкой была жена, и муж слушался ее совета. Жены сопровождали также мужей на войну и нередко своим криком удерживали бегущих. В качестве «вещих» женщины объявляли волю богов и влияли на судьбу целого народа. Впрочем, Тацит склонен вообще идеализировать характер германцев как противоположность нравам тогдашних римлян; он про-

славляет их гостеприимство и честность, простодушие, целомудрие, правдивость и любовь к свободе. Члены одного рода составляли между собою теснейший союз: они были связаны круговой порукой перед судом, кровной мезтью друг за друга. Судебное значение имели по преимуществу собрания округов. Судили скабины, выбранные тут же народом из своей среды. Свободные германцы не могли быть подвергаемы телесному наказанию. Единственным наказанием был денежный штраф, по отношению к которому все родичи были связаны между собой круговой порукой.

Делению народа в мирное время соответствовало деление на войне: и здесь также древние германцы сражались, распределенные по родам. Натиск германцев отличался стремительностью, но страдал недостатком стойкости. Нападение открывалось диким боевым криком (*barditus*), наводившим ужас на римлян. Бегство с поля битвы налагало несмыываемый позор; оттого поражение сопровождалось всегда громадными потерями. Главным оружием были копье и короткий меч, иногда лук со стрелами. Панцири и шлемы были редкостью. Главная сила была в пехоте. Только у некоторых племен – тенктеров и хауков – существовала конница. Особый военный институт составляла дружина. Все германцы считались равными между собой, но это не исключало существования у них немногочисленной знати («*Adalinge*» или «*Ethelinge*»), производившей свой род от мифических героев и пользовавшейся уважением и влиянием; политических преимуществ она не имела, но короли – где они были – всегда принадлежали к знатному роду. Кроме того, у германцев был класс полусвободных, или литов; это, вероятнее всего, потомки покоренных туземцев, не имевшие политических прав и не владевшие поземельной собственностью, но за известный оброк пользовавшиеся землей. Было много рабов из военнопленных; они рассматривались как вещи, но обращение с ними не было сурово; они обыкновенно сидели на земле своего господина или составляли его домашнюю прислугу. Особого сословия жрецов у германцев не было. Однако жрецы, владевшие руническим письмом, пользовались большим уважением и обладали обширной карательной властью по отношению к нарушителям мира, когда предстояло народное собрание или война с внешним врагом. Древние германцы гадали по внутренностям жертвенных животных, по полету птиц, по ржанию священных коней. Храмов и изображений богов не имели; в священных рощах воздвигали алтари, где приносили жертвы.

Ремесла были очень несложны, так как ни потребности, ни торговля не были развиты. Оружейное дело и кузнечное ремесло считались особенно благородными. Искусство обработки железа и меди было хорошо известно. Оружие нередко покрывалось золотом и серебром и украшалось резьбой. Прочие ремесла находились в руках рабов.

Деньги были известны только пограничным с римлянами народам. Римляне, по свидетельству Плиния, вывозили из Германии шкуры, мед, янтарь, перья, пух, скот, рабов; ввозили вино, которое начали возделывать на Рейне, одежду и некоторые предметы роскоши.

Язык германцев. Первые по времени образцы языка древних германцев дают греческие и римские писатели в собственных личных именах германских князей и полководцев; древнейшие из них относятся ко II в. до Р. Х. Не очень богатый, но чрезвычайно ценный материал для древнейшей истории германских языков дают рунические надписи (с III или IV в.); они же дают древнейшие образцы скандинавских наречий (с V в.). К эпохе, предшествующей нашествию гуннов, т. е. IV в., относится первый памятник связной германской речи: перевод Св. Писания на готский язык (см. Вульфилла). Лишь с VII–VIII вв. начинается связная литературная традиция на материке и среди англосаксов в Британии, а еще позже, если не считать рунических надписей, среди скандинавов. Сравнительное изучение древнегерманских наречий дает возможность воссоздать в общих чертах прагерманский язык, т. е. язык, на котором говорили предки позднейших германских народов в эпоху, непосредственно предшествующую распадению их на группы и народности. Древнейшие рунические надписи часто дают формы, совпадающие с теми, которые предполагаются наукой как пра-

германские. Любопытны в этом отношении также слова, в древние времена заимствованные у германцев финнами. Как фонетика, так и морфология, и лексикон прагерманского языка доказывают принадлежность последнего к индоевропейской семье. Из других ветвей этой семьи наиболее близка к германской ветвь славяно-литовская. Совпадения тут настолько значительны, что привели к гипотезе о едином славяно-германском пранароде и праязыке (она впервые высказана Zeuss'ом, за ним пошли Я. Grimm, Шлейхер и др.). Гипотеза эта, однако, критики не выдерживает; даже наиболее веские, по-видимому, ее основания легко объясняются многовековым географическим соседством и указывают лишь на живое общение германцев со славянами, более живое, чем с финнами, кельтами и античным (римским) миром, еще в доисторическое время. Греческих слов в прагерманском языке очень мало, да и те могли проникнуть в германский язык сравнительно поздно, через готов; они все относятся к области церковной.

Рядом с этими чертами, общими всем германским наречиям, уже очень рано зарождаются среди последних особенности местные, которые ведут впоследствии к распадению прагерманского языка на ряд самостоятельных ветвей. Эта дифференциация получает резкую форму в эпоху Великого переселения, когда на западе образовались новые союзы алеманов и др. Около этого времени германские наречия уже распались на три ясно очерченные группы: 1) *восточную* – языки готов, гепидов, вандалов, ругиев и др. мелких племен; сюда же относится язык древних бургундов, который составляет, однако, уже переход к западной группе. Группа восточная часто называется также *готской*, или *вандальской*; она вся погибла в эпоху переселений; 2) *северную*, или *скандинавскую*, которая распадается на ветви датскую, шведскую и норвежскую, с исландской; 3) *западную*, которая, в свою очередь, делится на ветви древневерхненемецкую (с наречиями алеманскими, франкскими и т. д.), древнесаксонскую (от которой произошли нынешние нижненемецкие наречия, так наз. *plattdeutsch*), древненижнефранкскую (вошедшую отчасти в состав нынешнего голландского языка), древнефризскую (вымирающую теперь) и англосаксонскую (лежащую в основе нынешнего английского яз.). В общем, эта группировка остается без изменений до настоящего времени. Литературных языков германский мир выработал семь: готский, датский, шведский, исландский, верхненемецкий, голландский и английский.

Кельты – западные соседи германцев

(Κελτοί, Κελταί, Celtae) – племя индоевропейского происхождения, явилось в Западную Европу, куда оно, по-видимому, проникло иным путем, чем греки и латины. Кельты обогнули Черное море, затем повернули к Балтийскому морю и, следуя вдоль берегов Балтийского и Немецкого морей, вступили с севера в нынешнюю Францию, откуда переселялись и в другие страны. Слово «кельты», впервые встречающееся у Гекатея (половина VI столетия до Р. Х.), у самих кельтов первоначально означало только одну ветвь племени, жившую между Гаронной, Сенной и Марной и прежде всех других сделавшуюся известной грекам, которые утвердились по соседству, – в Массилии (Марсель). Позже это название было распространено на всех кельтов, хотя у самих кельтов были свои племенные имена.

В историческое время имели место три великих переселения кельтов. В начале VI или в V столетии до Р. Х. они вторглись на Пиренейский полуостров, где часть их смешалась с иберийцами, получив название кельтиберов. В начале IV столетия до Р. Х. заняли Северную Италию, населенную тогда этрусками. К 284–278 гг. до Р. Х. относится передвижение кельтов на Балканский полуостров, достигавшее Греции, водворение их в Малой Азии под именем галатов.

В древности кельты распались на 4 главные группы:

1) *галлы*, или кельты, так как они, по словам Цезаря, на своем собственном языке называли себя *кельтами*; они жили в Галлии к востоку от Гаронны и югу от Сены; к ним

же должны быть причислены кельтские племена Испании, Северной Италии, нынешней Южной Германии и Австро-Венгрии;

2) *белги* — занимали земли к востоку от Сены, сначала до нижнего течения Эльбы, с I столетия до Р. Х. — только до Рейна, а также жили в Южной Британии;

3) *бритты*, населявшие остальную Англию и Валлис;

4) *гаеллы*, обитавшие в Ирландии и Шотландии.

В Германии поселения кельтов, как об этом свидетельствуют сохранившиеся названия местностей, доходили на востоке до Эльбы: в Северной Германии жили белги (*belgae*), в Средней и Южной — волки (*volcae*). В течение второй половины I тыс. до Р. Х. кельты, отчасти добровольно, отчасти вытесняемые наступавшими с востока германцами, очистили правый берег Рейна. Немногие остатки их подверглись германизации.

В 283–191 гг. до Р. Х. римляне покорили кельтов Северной Италии (решительное сражение при Кластидиуме, 222 г.), а около конца II столетия до Р. Х. — кельтов, населявших область Роны. Несколько раньше римляне стали господствовать над кельтами в Испании.

В 58–51 гг. до Р. Х. Юлий Цезарь после упорной борьбы покорил нынешнюю Францию (*Gallia transalpina*), которая с 27 г. до Р. Х. образовала римскую провинцию Галлию. Значительнейшая часть Британии была занята римлянами в 43–85 гг. по Р. Х.; здесь кельты, справившись с германским племенем англосаксов, положили начало английскому народу.

На континенте кельты, жившие по Рейну от Дуная, растворились в германских племенах, еще раньше подвергшись романизации. Это всего сильнее проявилось среди кельтов (галлов) нынешней Франции. В большей степени кельтская основа сохранилась в Бретани, Валлисе, Ирландии и Шотландии.

Кельты не были первоначальными обитателями Западной Европы. Они повсюду находили здесь племена, которые в одних местах принадлежали к иберийской, в других — к лигурийской расе. Отсюда те различия в современных жителях стран, некогда населенных кельтами.

Кельтам приписывались крайнее непостоянство — и твердая, героическая преданность своим вождям; необыкновенная жадность к золоту — и щедрое посвящение его богам; тяжелая неподвижность ума — и страсть к красноречию; грубая, наивная простота — и способность придумывать всяческие хитрости на войне; умственная косность — и способность к изобретениям. Моммзен национальными свойствами кельтов объясняет тот исторический факт, что эти хорошие солдаты и плохие граждане поколебали все государства, но сами не основали ни одного. При появлении своем в Европе кельты стояли уже на довольно высокой ступени цивилизации. Они познакомили аборигенов Европы с употреблением металлов, а сами, быть может, заимствовали у них друидизм. Всегда готовые странствовать и предпринимать походы, занимаясь войною как организованным разбоем или даже как ремеслом за плату, кельты не отличались преданностью родимой почве, которая была свойственна италийцам и германцам. Прочностью и силой отличалось их родовое чувство. Кельтские роды, или *кланы*, долго сохраняли первобытную независимость, хищнический образ жизни и преданность наследственному главе.

Наряду с родовыми отношениями, а иногда и помимо них, устанавливалась за аренду земли зависимость, аналогичная вассальным отношениям феодального строя. В основе аренды лежала собственно отдача в пользование не земли, а скота (так назыв. «*шетел*», «*chepitel*», от кельтс. «*chatal*» или «*chetal*» — «скот»), этого главного богатства кельтов. Собственник в действительности был только управляющим общего родового имени, обремененного повинностями в пользу семьи.

Жен кельты покупали, и до введения христианства брак, по-видимому, мог быть совершен на один год. Выкуп за дочь шел в пользу отца, но при последующих браках известная часть его, которая с каждым новым браком постепенно увеличивалась (закон предусматри-

вает 21-кратный выход замуж), обращалась в пользу дочери. Когда отца заменял брат, он получал половину того, что причиталось отцу. Когда супруги были равны как по общественному положению, так и по вкладам, внесенным ими для составления общего имущественного фонда, то жена пользовалась одинаковыми правами с мужем и один без другого не мог вступать в сделки; в случае неравного брака преимущественное значение в домашних делах принадлежало тому из супругов, кто делал вклад.

При разводе супругов каждый забирал свой вклад целиком, благоприобретенное имущество распределялось на основании особых правил, предусматривающих мельчайшие детали. Существовала сложная система родственных отношений, применявшаяся не только в распределении наследства, но и в раскладке денежных штрафов, заменивших кровную месть.

Характерной особенностью кельтского права была неприкосновенность домашнего очага. Преступление, совершенное над кем-либо в пределах чужого двора, влекло за собою особый штраф в пользу владельца этого двора. Вознаграждение за убийство свободного человека (цена крови, *eric*) определялось в 7 рабынь (рабыня – обычная единица ценности) или 21 дойную корову. Кроме того, существовала еще цена чести (*enechlann*), размер ее определялся общественным положением пострадавшего. От родственников преступника зависело или уплатить за него, или же отказаться и обречь его на изгнание.

Суд принадлежал главе клана или народному собранию. При решении суд руководствовался мнением *брегонов* (собственно *brithem*, затем *brehon* – судья), которые в языческую эпоху принадлежали к числу *филе* (*filé* – ясновидящий, пророк) – разряду жрецов, непосредственно следовавших за друидами; в Средние века они сделались наследственной корпорацией. Брегоны – это вещатели права, хранители формул и довольно сложных обрядов процесса. В языческую эпоху принадлежность брегонов к числу жрецов сообщала заключениям их религиозный авторитет, тем более что филе приписывалось сверхъестественное могущество, способность низвести на непокорного всяческие беды. Тогда во главе сословия филе стоял так называемый *олав* (*ollaw*), соответствующий по своему положению верховному друиду галлов. И после введения христианства заключения брегонов не лишились мистического оттенка: на суде совершались разные магические действия, которые должны были вызвать сверхъестественные откровения. Затем доказательствами служили судебный поединок, присяга, ордалии, поддержка соприсяжников.

Готы

В советском Большом Энциклопедическом словаре про них всего одна строчка: «Готы, народ северогерманского происхождения, в III веке н. э. проживал в Северном Причерноморье». Все! Слово их и не было. Смутно что-то припоминается из школьного курса всемирной истории: какие-то остготы захватили Рим... и еще одно имя – «Германрих».

Ну, раз прозвучало слово «РИМ», то сразу стало как бы очевидно, что к российской истории это имеет весьма отдаленное отношение. И хоть есть пословица «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать», есть и другое присловье, кое звучало в моем родном Урюпинске: «Везде побывал, все превзошел, повидал и Крым, и Рым!» То есть такая даль этот «Рым», что и говорить-то о нем не имеет смысла... Где мы, а где тот «Рым»?!

Но мало того, что Крым и Рим очень основательно связаны между собою целые века, совсем это недалеко. А учили про готов мы в школе «неотчетливо» – опять же, по причине вторжения политики в историю.

Готы – германцы. Вот где беда! Только что война с германскими фашистами кончилась, и слово «гот» (и эсэсовская танковая дивизия так называлась, и генерал Гот топтал нашу землю) вызывало неприятные воспоминания, а для некоторой категории наших граждан и далеко идущие последствия, о них мы станем говорить, когда в рассказе доберемся до дон-

ских казаков, служивших под знаменами вермахта. Поэтому постарались «забыть» даже то, что в 1904 г. публиковалось в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона:

«Готы – народ германского происхождения, входящий в состав восточногерманской (готской, вандальской) группы и игравший видную роль как в доисторической жизни России, так и в истории Великого переселения народов. Древнейшая родина их – область от Нижней Вислы до Прегеля, но влияние их – политическое и культурное – простиралось далеко за пределы этой реки и охватывало, вероятно, весь Прибалтийский край. Южные границы их господства или влияния определить невозможно. ...Вероятна связь готов с одноименным населением острова Готланда (гуты, готы), хотя доказать ее пока не удалось; на нее указывают, кроме общего названия, еще народные предания, сохранившиеся в Гутасаге».

Сведений о первом периоде исторической жизни готов мы почти никаких не имеем. Тацит («Germania», гл. 43) свидетельствует о том, что они управлялись королями и что королевская власть была у них сильнее, чем у других германских народностей. Такие факты, как заимствование славянами и финнами из готского языка слов для обозначения князя и некоторые географические названия вне древнеготской области, указывают на то, что преобладание готов сказывалось в политической жизни соседних племен.

Во второй половине II в. по Р. Х. начинается движение готов на юг. Часть готского населения осталась в старых местах и слилась здесь, на островах, образуемых устьями Вислы, с наступавшими с востока балтами. Главная масса под предводительством короля Филимера, сына Гудариха, прошла через болотистую область Припяти и, разбив народ спалов (славян?), преграждавших им путь, достигла побережья Черного моря.

С римлянами готы столкнулись впервые около 215 г. при Каракалле, уже на Дунае. Около этого времени они заняли всю нынешнюю Украину и Румынию, так что владения их простирались от Нижнего Дуная до Дона. Здесь они распались на несколько отдельных народностей.

Восточную область, от придонских степей приблизительно до Днестра, заняли остготы (*ostrogothi*), иначе называвшиеся грейтунгами (*greutungi* – степные жители); на западе, в нынешней Бессарабии и Молдавии до Карпатских гор и Нижнего Дуная, к ним примыкали вестготы (*wisigothi*), или тервинги (*tervingi* – лесные жители). (Примечательно, что населившие, после ухода готов, эти места славяне в точности усвоили и готские названия, и территории. Место лесных готов-греввингов заняли «древляне»-лесовики, а место «луговых готов»-грейтунгов – поляне. – *Б.А.*) Между Нижним Дунаем и Трансильванскими Альпами обитали тайфалы (*thaifali*, *taiphali*), которые самостоятельного значения не приобрели.

Северные границы готских владений в Южной России точно определить нельзя. Очень вероятно гипотеза, что упоминаемый в скандинавских сагах «град Днепра в речной области, столица славных готов», есть не что иное, как Киев. Известий о готском владычестве в Южной России («готском периоде» русской истории) довольно много, но они так неполны и сбивчивы, что ясной картины о нем мы себе составить не можем. Вероятнее всего, что каждая готская народность со времени переселения на юг имела своего короля и только на время остготские короли, наиболее могущественные, несколько раз получали гегемонию над остальными.

В первый раз это случилось, по-видимому, около середины III в., при короле Остроготе, которой владел, если верить Иордану, огромным государством, подчинив себе гепидов, вандалов и других. Он был первым королем династии Амалов, из нее в V в. вышел и Теодорих Великий. При Остроготе готские полководцы Аргайт и Гунтарик, перешедши Дунай, опустошили всю Мезию. Его преемник Книва, принадлежавший к другой династии, также совершил нашествие на Балканский полуостров, разбил императора Деция при Абрите во Фракии; сам Деций погиб в сражении.

Этот Деций был яростным гонителем христиан. Его судьбу, собственно, и приводят христианские хронисты как пример наказанной гордыни. Император очень гордился прекрасно обученными и снаряженными римскими легионерами. Когда эти прославленные воины увидели готов, они смеялись над ними, в полной уверенности, что смогут легко разбить их дикие толпы. Но готы оказались умелыми тактиками. Успешно маневрируя, они завели римские когорты в болото, где сомкнутые ряды римлян увязли, и готы перекололи их всех длинными копьями. Римляне не смогли воспользоваться своим прославленным страшным оружием: короткими (65 см) обоюдоострыми мечами – «акинаками». Это произошло в 251 г. н. э. (Больше я не буду указывать эру. Теперь все даты будут новой эры, то есть после Рождества Христова.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.